

A man and a woman in 18th-century attire stand in a lush garden. The man, on the left, has long dark hair and a beard, wearing a white ruffled shirt, a dark blue patterned vest, and black leather breeches. He stands with his arms crossed. The woman, on the right, has long brown hair and wears a voluminous teal gown with gold floral patterns and a white lace collar. She holds a small basket of red berries. They are surrounded by green foliage, red berries, and purple irises. In the background, a large white chateau sits atop a hill under a blue sky with white clouds.

КИРА ЛИН

ПРЕДАННАЯ.
ХОЗЯИКА
ЗАБРОШЕННОЙ УСАДЬБЫ

Кира Лин

**Преданная. Хозяйка
заброшенной усадьбы**

«Литнет»

2024

Лин К.

Преданная. Хозяйка заброшенной усадьбы / К. Лин — «Литнет»,
2024

Ничего себе попала в другой мир! Оказалась в теле жены дракона, которую считают сумасшедшей. Муж - жестокий и властный, да еще при любовнице! Решил от меня избавиться, но я сама уйду! И не куда-нибудь, а в заброшенную усадьбу Воронья Тень. Что-то не так с усадьбой? Разберусь! Вылечу от неизвестной хвори жителей и подниму заброшенное хозяйство. Прежняя хозяйка тела тосковала бы по муженьку-извергу, но не я! Он для меня ничего не значит. И незачем навешиваться в мою усадьбу! Медом ему что ли здесь намазано?# Властный дракон # Неунывающая героиня # Тайны и щепотка магии # Гарантированный ХЭ

© Лин К., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1	5
♥#♥#♥#	7
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	28
Глава 12	30
Глава 13	32
Глава 14	34
Глава 15	37
Глава 16	41
Глава 17	47
Глава 18	51
Глава 19	53
Глава 20	55
Глава 21	61
Глава 22	63
Глава 23	66
Глава 24	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Глава 1

По лобовому стеклу струятся ручейки воды, в ушах шумит кровь. Я держусь за рулевое колесо, как за спасательный круг, отчаянно давя на педаль газа. Спидометр зашкаливает.

Как он мог так поступить со мной? После стольких лет брака!

Изменщик!

Крутил шашни с молоденькой секретаршей у меня под носом. Кувыркался с ней в нашей постели!

Предатель!

Слезы застилают обзор, в груди разрывается на части сердце. Ничего не вижу из-за ливня, что лупит по стеклам. Куда я свернула? А, не важно! Уже ничего не важно.

В последний момент замечаю впереди отбойник, но я так разогналась, что автомобиль превратился в неуправляемую грудку металла.

Пытаюсь вывернуть руль, но не успеваю. Все происходит молниеносно и в то же время мучительно медленно. Чувствую мощный удар, меня отбрасывает назад...

И я пячусь, спотыкаюсь о складки пушистого ковра и падаю на него. Ощущаю пальцами рук мягкий ворс. Яркий свет люстры ослепляет после вечерних сумерек города.

— Окончательно рехнулась, Белинда? — цедит незнакомый бархатный мужской голос с хрипотцой.

Непонимающе моргаю. В висках стучит адреналин, кровь кипятком бежит по венам. Дышу часто и отрывисто. Сажу задницей на полу в распахнутом розовом кружевном пеньюаре. Кроме него и нижнего белья на мне ничего нет.

— Ты слышишь меня? — снова гремит голос.

И я поднимаю глаза. Ко мне решительно приближается мужчина, возвышается на мной, и на миг подвисяю, залюбовавшись им. Я таких красавцев разве что в эпических блокбастерах видела!

Темные густые, слегка волнистые волосы до плеч вызывают зависть. Черты лица аристократические и одновременно мужественные, каре-зеленые глаза смотрят с искренним презрением. Красиво очерченные губы сложены в линию, на лепных скулах играют желваки.

Что за...?

Я только появилась, а уже чем-то вывела его из себя.

Сглатываю и опускаю взгляд ниже, на пульсирующую жилку на мощной шее, на тяжело вздымающуюся мускулистую грудь, обтянутую шелком темно-синей рубашки, расстегнутой на верхние пуговицы. Крепкие ноги облегают как вторая кожа черные брюки, заправленные в кожаные сапоги.

Почему-то смотрю на его сапоги, долго и растерянно. Начищены до блеска, хоть глядись в них как в зеркало.

Где я? В кому впала? Или меня чем-то накачали?

Слишком реалистичные предсмертные галлюцинации. Или я сплю?

— Белинда! — рявкает мужчина и нависает надо мной.

Интуитивно отползаю от него, помогая себе босыми ногами и одной рукой, а другой стягиваю края пеньюара в попытке скрыть наготу. Перебираю пальцами ворс ковра, пока не упрусь спиной во что-то твердое. Кажется, это стена. Ну все, приплыли!

Проигрываю злобному красавцу - запрокидываю голову и с ужасом смотрю, как он склоняется надо мной.

— Даже не смей игнорировать меня, — холодно выдыхает и всматривается в мое лицо. — Я с тобой разговариваю. Ты что удумала, а? Пытаешься загладить вину своим полуголым видом? Я уже говорил, что не хочу тебя, Белс. Так что не сработает.

Смотрю в его темные и ледяные глаза, накрывает лавиной ощущений. В сознании пульсирует сигнал: он опасен! Безумно опасен, а сейчас еще и в бешенстве.

А я-то тут при чем?

Что ему сделала и, главное, когда?

Слышится женский всхлип. Хмурюсь и смотрю мужчине за спину. В дверном проеме стоит стройная блондинка в длинном платье цвета спелой вишни и закрывает лицо ладонями. Ее обнаженные плечи судорожно подрагивают от тихих рыданий.

Замечаю ссадины на руках девушки. Что здесь произошло?

Мужчина склоняет голову к плечу и подается вперед. Так близко, что легкое дыхание могло бы соединить наши губы.

— Что взять с умалишенной, — раздраженно бросает он и потирает подбородок. — Как же я устал от твоих выходов, Белинда.

— Я не... — пытаюсь слово вставить, но он не дает и резко перебивает меня.

— Довольно! — смотрит пронизывающим взглядом, от которого под ложечкой сосет. — Ты ответишь за свое поведение. И я больше не стану с тобой церемониться! Поднимайся, немедленно!

Дорогие читатели! Я рада Вас приветствовать в моей новой истории! Впереди Вас ждут приключения нашей новой героини, огородно-дачные хлопоты, немного магии и тайн, щепотка юмора и, конечно же, любовь! Надеюсь, история поднимет Вам настроение)))

Прошу поддержать историю зажженной звездочкой, комментарием и подписаться на страницу автора, чтобы не пропустить выход новых глав)))

С любовью Ваша

Кира Лин

#####

Ну и как же без визуалов?

По нашей уже традиции представляю вам нашу героиню Белинду Доусон (в девичестве Олсен)

Ее супруг - Стюарт Доусон

И Марриса Кёртис

Глава 2

Смотрю на него с нескрываемым ужасом. Не шевелюсь. Мужчина опирается рукой о стену над моей головой и... приплюсывается.

Вот же псих!

— Ты странно пахнешь. Иначе, — его зрачки вытягиваются и становятся вертикальными. По щекам с трехдневной щетиной идет рябь. На мгновение кажется, будто они чешуей покрываются.

Второй рукой зверюга тянется к моей шее. Страх накатывает с новой силой, душит меня. Трясу головой, рассыпая волосы по плечам. И вжимаюсь в стену. Фух, вроде показалось.

— Плевать. Не интересно, — шипит он и отстраняется, так и не прикоснувшись ко мне. Сжимает руку в кулак и сбавляет тон: — Так дальше не может продолжаться.

— Что - продолжаться? — заикаясь, спрашиваю растерянным голосом.

— Как же низко ты пала, дорогая женушка, — презрительно выдает, не удостоив ответа, и поднимается. — Неужто ревнуешь?

Я украдкой испускаю вздох облегчения. И слежу за ним немигающим взглядом. Кто знает, что у него на уме. Чем дальше он от меня, тем лучше. Тем безопаснее.

Смотрит с высоты своего роста с надменным видом. Убирает руки в карманы брюк.

— Ты все портишь, Белс! Как тебе только в голову пришло такое, Белс?! Марисса заботится о тебе, старается. А ты чем платишь, м? Не смей к ней приближаться, поняла меня? Иначе я за себя не ручаюсь!

Так и подмывает спросить, что же такого мне в голову пришло, но страх не позволяет. Откуда-то из недр дома раздается звон колокольчика. Изверг морщится.

— Позже с тобой разберусь, — холодно цедит и разворачивается к двери.

Блондинка больше не рыдает. Выskalзывает из комнаты и бросает на меня взгляд, от которого к горлу ком подкатывает. На ее губах играет ехидная улыбка.

Мужчина дергает за ручку и оборачивается через плечо.

— И давай без фокусов.

Вздрагиваю от захлопнувшейся двери. Кусаю губы, комкая на себе кружевной пеньюар. Тишина комнаты внезапно оглушает. Перевожу дыхание и оглядываюсь.

Уютная и просторная спальня с камином, оформленная в нежных персиковых и серых тонах. Вместительный шкаф у панорамного окна, завешенного плотными антрацитовыми шторами.

На симпатичном туалетном столике с зеркалом выстроились разнообразные флакончики и коробочки.

В центре комнаты небольшой диванчик со стеклянным кофейным столиком. На нем поднос с множеством стеклянных пузырьков с разноцветными пилюлями и настойками.

Один из них опрокинут, и на стол расплескалось содержимое - бледно-желтое, поблескивающее будто с шиммером. На полу замечаю несколько капель этой странной жижи.

Это еще что такое?

Справа большая кровать с темно-желтым балдахином. Подо мной светло-серый пушистый ковер. Вау! Хотя после смерти поживу в достойных условиях.

Что за глупости в голову лезут?!

После смерти - поживу. Ну бред же!

Хлещу себя ладонями по щекам, но ничего не меняется. Похоже, я все-таки умерла. Да и кто выживет после такой аварии? Но где я теперь? В другом мире? Даже думать о таком дико.

Что ж, по крайней мере, я жива. Надолго ли с таким свирепым муженьком? И про какую Мариссу он говорил?

Память подбрасывает смазанные мысли той, в чьем теле нахожусь. Марисса - та рыдающая блондинка, любовница нашего общего теперь мужа. Она живет с нами под одной крышей, и они нисколько не смущаются своих отношений. А Белинду считают сумасшедшей.

Вот тебе на!

Разберемся по ходу дела, а пока надо осмотреться.

Ступаю по гладкому паркету, касаюсь деревянной стойки, на которой держится балдахин. Как же приятно чувствовать! Как же чудесно жить!

За дверью слышатся голоса и искристый женский смех. Похоже, гости пожаловали. А законная жена сидит в комнате и не имеет права показываться людям на глаза.

Пффф! Ну и нравы!

Мысли в голове сталкиваются и разбиваются, не удается сосредоточиться на происходящем. Повсюду новые звуки, запахи и цвета. Кажется, будто я впервые открыла глаза и увидела окружающий меня мир в полной красе.

В углу, за шторами что-то шевелится. В камине вспыхивает пламя. Люстра над головой гаснет, а в настенных канделябрах загораются свечи. Я медленно оборачиваюсь, как в фильме ужасов. И судорожно сглатываю.

Смотрю в одну точку, выискиваю глазами движение. По позвоночнику скользит липкий холодок.

Что это такое? Снова показалось? Да как тут рассудка не лишиться-то?

Снова за шторой что-то шевелится, раздувает ее словно парус. Я взвизгиваю и отбегаю от кровати. Паника сдавливает горло и рвется из него воплями. Страх ослепляет меня и притупляет чувство самосохранения.

Не задумываясь, распахиваю дверь и выбегаю из комнаты. Нет, я не хочу оставаться!

Где здесь выход?

Глава 3

Оказываюсь в широком коридоре, стены обиты деревом благородных пород. Вниз ведет лестница, застеленная бледно-зеленой ковровой дорожкой. Сбегаю по ней босыми ступнями, одной рукой держась за стену, а другой стягивая на себе пеньюар.

Передо мной прикрытые стеклянные двери. Слышатся звон бокалов и скрежет столовых приборов по тарелкам. В висках тревожным набатом стучит пульс.

— Где же ваша милейшая супруга? — доносится голос пожилого мужчины из-за дверей.

— Ей нездоровится, — мягко отвечает муженек. — Но она просила передать свои глубочайшие извинения.

Вот же гад!

Любопытство берет верх над разумом. Я подхожу ближе и решаюсь подсмотреть в щелочку.

— Госпожа? — раздается удивленный девичий голос слева.

Я чуть ли не подпрыгиваю от неожиданности и оборачиваюсь.

На меня смотрит большими серыми глазами молоденькая служанка с подносом в руках.

— Госпожа, что же вы... — повторяет и нервно облизывает губы. Ее руки дрожат, угрожая выронить поднос.

Только этого не хватало!

— Да тихо ты, — шиплю на нее, но уже поздно.

Из-за дверей доносятся звуки быстрых и тяжелых шагов, приглушенных ковром. Внутри все сжимается от страха. Я разворачиваюсь и бегу к лестнице, но проклятый пеньюар цепляется за петли двери.

Вот блин!

Я оборачиваюсь и тяну кружевную ткань на себя, она трещит и рвется. Двери приоткрываются, на пол коридора падает вытянутая тень. Смотрю, как в замедленной съемке. Он приближается!

Нет, нет, нет!

Из комнаты выходит муженек-изверг и придавливает меня свирепым взглядом.

— Белс, твою мать, — цедит сквозь стиснутые зубы и хватает меня за руку чуть выше локтя. — Опозорить опять меня хочешь?

И тащит вверх по лестнице. Я сопротивляюсь, хватаюсь за перила, но он куда сильнее. И сдавливает мою руку, будто намеренно хочет причинить боль. Свечу голыми ляжками в лохмотьях пеньюара. Муженька зрелище выводит из себя, на лбу начинает биться жилка.

Служанка охает. Какие все нежные, мама дорогая!

— Пегги! Чего стоишь столбом? — рычит изверг на нее. — Живо за мной!

Девушка спохватывается и ставит поднос на комод у стены. И бежит за нами. Сознание прошибает вспышкой паники. Мышечная память - или как ее назвать - сигнализирует об опасности и боли. Та, в чьем теле нахожусь, уже переживала подобное.

Что они со мной сделают?

— Отпустите меня! — силюсь выдернуть руку из его хватки, бьюсь раненной птицей, но снова терплю поражение.

— Нет, дорогая женушка, — ледяным тоном тянет он и заталкивает меня обратно в спальню. — Тебе пора принимать пилюли.

Затаскивает чуть ли не волоком. Хватаюсь из отчаяния за дверной косяк. Муженек оборачивается, и его лицо непроницаемое, ледяное. Ему не впервой так обращаться с женой. Свободной рукой сгребает мои волосы на затылке и наматывает на кулак.

— Ауч! — вскрикиваю и разжимаю пальцы, а в следующий момент он толкает меня на кровать и отпускает.

Плюхаюсь и забираюсь поглубже, подтягивая под себя ноги. Накидываю на колени остатки кружевной красоты.

Муженек стоит напротив, его мускулистая грудь мерно вздымается и опускается. Смотрю на нее, как замороженная, не в силах поднять глаза к лицу. Пегги застывает в проеме и нервно мнет белый передник.

— Совсем ополоумела? — стальным голосом произносит изверг. — А завтра ты голышом на ужин заявишься? Ты мое проклятье, Белс! — выдыхает и холодно хмыкает. — Ты больна, Белинда. Я дал слово твоему отцу, что буду заботиться о тебе. Но, похоже, мне не под силу справиться с прогрессирующей болезнью. После ухода гостей решим, как поступить. А до этого момента будь добра сидеть тихо и не показываться!

Разворачивается и направляется к двери.

— Выдай ей пилюли, Пегги, — велит служанке. — Продолжит буйствовать - сообщи мне, вызову целителя.

Меня обдает холодком ужаса. Девушка кивает и отступает в сторону, освобождая ему дорогу.

Муженек застывает на миг в проеме и бросает через плечо:

— Видят драконы боги, я хотел, как лучше. Но ты не оставляешь мне выбора.

И захлопывает дверь.

Глава 4

Смотрю на перепуганную служанку и расчесываю пальцами волосы.

Вот же сволочь!

Такую роскошную гриву чуть не испортил!

Наконец, Пегги берет себя в руки и направляется к столику со снадобьями. Слежу за ней и закусываю взволнованно губу. Раз уж все здесь считают меня сумасшедшей, то глупые вопросы примут за чистую монету.

“Что взять с умалишенной?!” — так сказал мой новоиспеченный муженек.

Что ж, воспользуюсь ситуацией.

Пока Пегги откупоривает флакончики, подползаю к краю кровати и спускаю ноги на пол. Кутаюсь в лохмотья пеньюара и подхожу к диванчику. Забираюсь на него и слежу за руками служанки.

— Пегги, милая, а как зовут моего супруга?

Ее руки вздрагивают. Она поворачивает голову, обескураженно моргая, и смотрит на меня своими огромными глазами.

— Похоже, целитель Барнс слишком большую дозу вам прописал, раз у вас проблемы с памятью начались. Придется уменьшить, — вздыхает и отсыпает из ладони обратно в пузырек пару пилюль. — Ваш супруг, дракон древнего рода, почтенный лорд Стюарт Доусон, — произносит с расстановкой терпеливым голосом, как будто объясняет маленькому ребенку.

Она сказала “дракон”? Нет, мне не послышалось? Вот же ж...

Я радостно киваю и улыбаюсь, а сама кошусь на пузырьки на столе.

Чем бедняжку Белинду пичкают хоть? В прошлой жизни я была фармацевтом и кое-что смыслю в лекарственных препаратах. Похоже, здесь все на основе трав. Так даже проще.

Пегги протягивает мне стакан воды и две голубых пилюли на ладонке с потрескавшейся сухой кожей. Смотрю на них, на ее руки и тяжело сглатываю.

— А это обязательно?

— Разумеется! — хмурится она. — Сегодня вы впервые за последние дни покинули свою спальню, госпожа. Вам что-то приснилось?

Я открываю и закрываю рот, но нахожусь, что сказать.

— Да, — нарочито грустно выдаю и указываю рукой на штору, которая недавно жила своей жизнью. — Там кто-то или что-то есть. И камин сам зажегся! Канделябры...

Пегги закатывает глаза и с жалостью улыбается мне. Я прикусываю язык, наблюдая за ее реакцией.

— Ну, конечно, госпожа! Зима хоть и закончилась, но дом пока приходится отапливать. Благодаря системе на магическом газе камин вспыхивает, когда в комнате температура падает.

Таращусь на нее, как полная идиотка. На магическом... газе? Да вы серьезно? В этом мире еще и магия есть?

Пегги указывает глазами на свою ладонь, на пилюли. Вздыхаю и забираю их, нехотя закидываю в рот и прячу языком за щеку. Выпиваю залпом стакан воды. Надеюсь, показывать пустой рот не придется?

К счастью, Пегги уже переключилась на пузырек с каплями и отмеряет нужное количество на чайную ложку. Чувствую запах валерианы и пустырника. Пожалуй, они мне сейчас действительно не помешают.

— Зачем вы выбежали, госпожа? — сокрушается служанка, закупоривая флакон. — У господина сегодня важные гости, он вас настойчиво просил отдыхать и не беспокоить его!

— Так я это... Проголодалась! — смотрю на нее честными глазами и хлопаю ресницами.

Пегги протягивает мне ложку. Выпиваю лекарство, жмурюсь.

— Что ж вы шнурком не воспользовались? Я бы принесла в комнату ужин.

— Прости, Пегги. Я перепугалась спросонья.

Она качает понимающе головой и кладет ложку на поднос, где уже стоит пустой стакан.

— Пойдемте, я вам ванну наберу, а пока будете нежиться - сбегаю на кухню, — тянет меня за локоть, вынуждая подняться с дивана. Ведет к ванной комнате, будто я сама не в состоянии ногами переставлять.

Чую, Белс пичкают сильнодействующей дрянью, чтобы она сама себе не принадлежала и медленно, но верно превращалась в овощ. Эх, не зря меня сюда силы свыше отправили! Я им всем еще покажу, как издеваться над бедной девочкой!

— Только обещайте, что больше не покинете спальню, госпожа? — слезно просит и заводит меня в ванную. Тут же вспыхивает теплый свет. — А то господин с нас обеих три шкуры сдерет.

Я ему сдеру!

А вслух отвечаю:

— Конечно-конечно, милая, — ласково улыбаюсь. — Я уже притомилась и с удовольствием полежу в горячей водичке. Хватит с меня на сегодня муженька.

Что-то в моем тоне настораживает горничную. Она косится на меня, густо краснея, но ничего не говорит.

А что я такого сказала?

Отмахиваюсь от мыслей и оглядываюсь. Я в помещении с большой круглой ванной, утопленной в пол. Серебристо-голубое оформление радует глаз. А что еще больше радует - наличие водопровода и санузла.

Пегги оставляет меня и подходит к вентилям, поворачивает их и пускает воду в ванну. Достает из белого напольного шкафчика стеклянный сосуд с искрящейся солью и высыпает в нее приличное количество.

— Готово, госпожа, — сообщает служанка и подзывает меня.

Я послушно подхожу, ступая по белому коврику, и украдкой заглядываю в зеркало, висящее над раковиной. Интересно же, как я теперь выгляжу! Смотрюсь на свое отражение и ахаю от изумления.

Глава 5

На вид мне лет девятнадцать против сорока в прошлой жизни. Длинные густые каштановые волосы, о которых раньше только мечтать могла. Глаза теплого зеленого цвета, необычные. Красивое личико, милое, с чувственными губами.

Приспускаю пеньюар и оглядываю себя.

Изящные формы и плавные изгибы, аппетитная грудь третьего размера при хрупком сложении, кожа нежная и светлая, почти жемчужная. В прежней жизни о таком теле я могла только мечтать. Ни тренажерный зал, ни ограничения в еде не помогали сохранить упругость. Если извергу такое не нравится, то что же там за Марисса красавица писаная? Не удалось ее как следует разглядеть.

Ой, даже интересно посмотреть теперь, на кого он такую куколку-жену променял! Даже если она и сумасшедшая. Подумаешь, у всех свои недостатки.

Обязательно выясню, но не сейчас. Не горю желанием снова смотреть в его безжалостные глаза. Мне бы с переменами свыкнуться и прийти в себя для начала.

Я все еще в оцепенении. Происходящее не кажется реальным. Надо отдохнуть, поспать, а после пробуждения авось все изменится. Я вернусь в свой мир и...

И правда - что?

Даже если я выжила после аварии, то кто меня ждет дома? Муж-изменник? Родни нет, детей тоже не посчастливилось завести. Что я оставила после себя? Работу в аптеке и неудачный брак. Никаких выдающихся достижений ни в том, ни в другом. Горевать по мне некому. Да и я не особо расстраиваюсь.

— Что вы делаете, госпожа? — удивленно протягивает Пегги и помогает мне снять пеньюар, будь он неладен.

Разворачиваюсь к ней лицом и бесхитростно пожимаю точеными плечиками. Разглядываю россыпь веснушек на слегка вздернутом носике горничной. Русые волосы, затянутые в тугую пучок под белоснежным чепчиком. Большие серые глаза на выкате, из-за этого кажутся какими-то мультяшными и придают лицу вечно удивленное выражение. Тонкие губы и светлые ресницы. Милое юное создание лет восемнадцати.

— Смотрюсь в зеркало, — отвечаю, когда она поднимает на меня взгляд. И заговорщически шурюсь. — Случаем, не знаешь, а куда подевалась вся растительность с моего тела? ну, ты понимаешь, о чем я...

Снова этот сочувствующий взгляд! Ничего, пусть думает, что у меня крышечка посвистывает. Пока мне это только на руку.

— Ох, госпожа, — вздыхает Пегги и качает головой. Подталкивает меня к ванне и помогает спуститься в нее. — Знатно вас подкосило от лекарств.

Водичка теплая. Слегка горячая, как я люблю. Опускаюсь в нее, устраиваюсь удобнее. Запрокидываю голову на бортик и прикрываю веки. М-м-м, кайф! От воды поднимается ароматный пар с розовыми нотками. Все сегодняшние, мягко говоря, неприятные события, стоили того, чтобы испытать наслаждение от принятия ванны!

— Господин позволяет приходить к вам мастерице Софии по женским процедурам. Она мажет вас всякими средствами уходовыми.

О, и здесь есть косметологи! Мелочь, а приятно. Хотя какая же это мелочь?! Важнейший плюс! Кожа безупречно гладкая, на всем теле ни единого волоска! Прямо как в рекламе бритвенных станков.

Эх, а как же я без телевизора-то буду? Хотя не велика потеря. Я под него разве что засыпала после трудового дня.

Пегги опускается на колени и приподнимает меня за плечи. Позволяю ей мылить меня, шкрябать щеткой и мыть волосы. Непривычно, но приятно.

Когда я благоухаю и сверкаю от чистоты, служанка вытирает руки о полотенце и поднимается на ноги.

— Пока отдыхайте, а я на кухню сбегаяю, — направляется к двери, но вдруг останавливается и оборачивается. Смотрит с ужасом в выпученных глазах.

Поднимаю руку в успокаивающем жесте.

— Я никуда не денусь, Пегги. Мне и здесь неплохо, — уверяю ее и, прикрыв веки, снова откидываюсь на бортик ванны.

Слышу ее неуверенный вздох и щелчок закрывающейся двери. Удаляющиеся шаги и снова захлопывающаяся дверь. Распахиваю глаза и выбираюсь из ванны. Подбегаю к раковине и выплевываю пилюли, которые успели подтаять. Благо, они в толстой оболочке, иначе я бы уже носом пузыри пускала. Фу, горькие! Смываю их водой.

Едва успеваю опуститься обратно в воду, как в комнату влетает Пегги. На ней лица нет, нижняя губа трясется.

Встревоженно задерживаю дыхание.

— Что стряслось?

— Господин велит вам спуститься в гостиную, — и поджимает губы.

— Ох, Пегги. Я так устала и хочу спать. До завтра не подождет? — лениво протягиваю и закрываю глаза, а у самой под ложечкой сосет.

— Нет! Он требует вас явиться незамедлительно, — ее голос срывается на испуганный шепот.

А меня дрожь пробирает. Что опять ему нужно?

Глава 6

Милое веснушчатое создание помогает мне выбраться из ванны и обтереться полотенцем. Надеть платье и застегнуть его. Подводит к зеркалу в полный рост, расположенному рядом с туалетным столиком.

Ну, что сказать? Всю красоту спрятала! Бордовое платье с отделкой черным кружевом, воротником под горло и длинными рукавами. Юной деве не подходит такой закрытый наряд. Но не мне устанавливать здесь правила. Пока.

Зачесывает мне еще влажные волосы в строгую прическу. Слишком уж усердно, на мой взгляд, тянет пряди. Терплю и молчу.

— Не стоит заставлять его так долго ждать, — убирая лишние шпильки и гребень, волнуется горничная.

Берет меня под руку и ведет к двери. М-да. Шагу не дают ступить без присмотра.

Выходим из комнаты и спускаемся по лестнице. Осторожно и неторопливо ступаю в туфельках на низком каблуке по ковровой дорожке. Оглядываю холл, ведь в прошлый раз ничего вокруг не замечала от страха.

Просторное помещение в бело-золотой гамме. Напольная вешалка у массивной деревянной двери с резным декором - драконом, расправившим крылья. Ковер с золотистыми вензелями и шкаф для верхней одежды.

Слева под лестницей широкая дверь, и, судя по расходящемуся по холлу аромату тушеного мяса и выпечки, за ней располагается кухня.

У двери деревянный комод и напольная ваза с чайными розами. На узорчатых светлых стенах гобелены и картины с пейзажами. Разглядываю детали, оттягивая момент.

Я не хочу снова видеть Стюарта!

Непроизвольно сжимаюсь изнутри, как тугая пружина. Меня начинает трясти, но старательно изображаю равнодушие.

Пегги чуть опережает меня и нажимает на изогнутую ручку двери, ведущей в гостиную. Ту комнату, где недавно были гости. Судя по тишине и приглушенному свету, они уже разошлись.

Двери раскрываются, и Пегги меня заводит в комнату. Из освещения здесь только мерцание огня в камине. В теплом полумраке темнеют очертания интерьера.

Длинный стол на двенадцать персон, покрыт белоснежной скатертью. На нем расставлены позолоченные канделябры с нетронутыми новыми свечами как деталь интерьера.

Окна занавешены бордовыми плотными шторами.

В кресле с высокой спинкой перед камином сидит Стюарт, а у его ног растеклась та миловидная блондинка в вишневом платье. И у нее все прелести едва ли не вываливаются наружу. Разве что руки прикрыты шалью.

А почему Белинду, как монашку одевают?

Девушка поглаживает колено изверга, опустив на него подбородок. Смотрит на Стюарта с нежностью и покорностью. Длинные волосы рассыпаны по плечам, и муженек перебирает их пальцами, пропускает сквозь них как песок. И смотрит на меня темными холодными глазами.

Застываю перед ними. Осторожно оборачиваюсь и вижу, как Пегги пятится к двери и просачивается в зазор, а потом закрывает за собой. Без нее как-то совсем страшно стоять перед ним.

Меня охватывает паника. Душит и подстегивает пульс колотиться в горле. В груди печет от злости. Эта блондинка у его ног.... Марисса, любовница Стюарта - проносятся в голове отголоски памяти Белинды.

— Присаживайся, — велит обманчиво мягким голосом муженек и небрежно указывает на стул.

Отодвигаю ближний к двери, но он меня останавливает.

— Ближе, Белс.

От звука его голоса мурашки скользят по рукам. Меня охватывает животный бесконтрольный ужас. В большей степени он принадлежит настоящей Белинде, но и мне тоже отчасти.

Послушно подхожу и отодвигаю крайний стул. Опускаюсь на него и складываю руки на коленях.

— Прежде всего я жду от тебя извинений, Белинда. Мы - ждем, — говорит с нажимом и гладит любовницу по обнаженному плечу.

Смотрю на него с растерянностью, перевожу взгляд на Мариссу. На ее лице безмятежное выражение, на губах угадывается ухмылка.

— Ну же, Белс, — потирает меня ледяным тоном.

Вздрагиваю и с непониманием смотрю на Стюарта. Его темные глаза прожигают насквозь.

Чего они хотят от меня?

Глава 7

— Милый, ты слишком многого требуешь от Белинды и заставляешь бедняжку напрягаться, а это вредно для ее здоровья, — протягивает Марисса и поднимает к нему бездонные голубые глаза. Хлопает ресницами и ласково улыбается.

Он косится на нее и заметно смягчается.

— Вероятно, ты права, — нехотя соглашается. — Белинда не ведает, что творит. И, скорее всего, даже не помнит, как набросилась на тебя и вцепилась в волосы, руки расцарапала, — переводит на меня взгляд. — Верно, Белс?

Открываю и закрываю рот, не нахожу, что сказать. Осторожно сглатываю. Совершенно не помню за собой такого, в этом он прав. Но, если рассуждать логически, то Марисса сама пожаловала в мою комнату. Пегги говорила, что я давно не покидала спальню. А, значит, белокурая девица заявила... зачем-то. Проведать меня? Верится с трудом.

— Что ж, — раздраженно выдыхает муженек и стучит пальцами по деревянному подлокотнику кресла. — Я подумал и принял взвешенное решение, Белинда. Тебе нельзя больше оставаться в моем доме. Очевидно же, одними лекарствами здесь не обойтись. Потому я отправляю тебя в Обитель Безмятежности. Там ты получишь необходимый уход и лечение.

Обитель Безмятежности? Звучит, как название психиатрической лечебницы. Похоже, это она и есть. Ничего себе придумал!

— Зачем? Почему? — ошарашенно качаю головой и смотрю на него с неприкрытым ужасом.

— Я снова должен объяснять очевидные вещи? — гулко рычит изверг.

Холодею изнутри, но взгляд не отвожу.

— Нет! Не отправляйте меня, прошу! Я буду хорошо себя вести, — чувствую себя провинившимся ребенком. Унизительно выпрашивать у изверга снисхождения и жалости, но я готова на все, только бы не оказаться в лечебнице!

Стюарт сводит брови на переносице и смотрит на меня с недоверием.

— Тогда как ты представляешь себе дальнейшую жизнь, Белинда? В ближайшее время будут готовы документы по нашему бракоразводному процессу. Тебе нет места в моем доме. Озвучь свои варианты, раз мой тебе не по нраву.

Лихорадочно соображаю. Неужели у меня нет родственников? Никто не хочет заботиться о несчастной Белинде?

Вспышка памяти подсказывает решение: у недавно почившего отца осталась усадьба в Вороньей Тени.

Воронья Тень? Звучит не обнадеживающе. Но какой у меня выбор?

Ерзаю на стуле, от волнения сжимаю до белизны костяшек подол платья.

— Усадьба в Вороньей Тени. Отправьте меня туда, на родину отца.

Повисает вязкая тишина. Стюарт задумчиво потирает подбородок. Марисса отрывает голову от его колена и смотрит на меня расширенными глазами. На ее милом личике мелькает тень тревоги.

— Милый? — капризно тянет. — Ты же не думаешь....

— Я разберусь, Марисса, — обрывает ее небрежным жестом, и девица осекается. — В конце концов, не такая уж плохая идея. Свежий воздух и тишина благотворно повлияют на состоянии Белинды. А лишения и непростые условия жизни помогут ей подумать над своим поведением и научат ценить то, что она имела.

— Но как же так? — взрывается любовница и всплескивает руками, но тяжелый взгляд Стюарта осаждает ее.

Марисса виновато съеживается и выдает ему робкую улыбку.

— Прости, дорогой. Я беспокоюсь о Белинде. Как бы ей не стало хуже вдали от нас. Ей необходим целитель узкого профиля, ты же знаешь. А в глуши вряд ли хоть какой-то найдется.

Что-то любовница распереживалась. Раз ее так напугал вариант с деревней, то он мне абсолютно точно подходит! Сильно сомневаюсь, что ее заботит здоровье и жизнь Белс. Скорее, наоборот.

— Необходим, — кивает Стюарт. — Я могу это устроить. К тому же, если Белинде станет хуже, всегда можно вернуть ее обратно. Что ж, завтра подготовим тебя к отбытию, Белс. Соберешь вещи и все необходимое. А перед отъездом тебя осмотрит целитель Барнс. Если у него не возникнет возражений, то следующим утром сядешь в экипаж до Вороньей Тени.

Марисса улыбается и поворачивает голову, чтобы смерить меня победоносным взглядом.

Мне совсем не нравится ее улыбочка. Аж внутри все переворачивается.

Глава 8

— Можешь идти, Белс, — дракон мрачен и невозмутим. Небрежным жестом указывает мне на дверь.

Марисса ластится к нему, но он наблюдает за мной с ледяным спокойствием. Поднимаюсь из-за стола и коротко киваю Стюарту.

Разворачиваюсь на каблуках и в давящей на слух тишине покидаю гостиную с приподнятой головой. Хватит уже пресмыкаться перед ним!

Но здраво мыслить мешают эмоции Белинды. Она бы бросилась ему в ноги и сапоги расцеловала, только бы остаться в доме. Но она - не я.

Дергаю за ручку с мерзким тяжелым ощущением чужого взгляда между лопаток. Беззвучно хмыкаю и выхожу за дверь.

Пегги глядит на меня большими глазами, помогая переодеться в ночную сорочку из нежного розового кружева. Молчит и кусает губы, того и гляди прокусит до крови.

— Что с тобой, милая? — спрашиваю и достаю шпильки из волос одну за другой.

— Ох, госпожа! — вздыхает горничная и шмыгает носом. — Воронья Тень - худшее из мест в королевстве. Когда-то деревня процветала, почва была плодородной, но после смерти вашей матушки все переменялось. Будто сами земли погибли вместе с ней. Поля поросли репейником, на фруктовые сады напала гниль. А местных жителей терзают различные недуги, лекарств от них ваш батюшка так и не нашел. И сам захворал. Та же участь ждет всех, кто ступит на те земли. И вас, госпожа! Переезд туда - верная смерть!

Моргаю, глядя на свое отражение, и перевожу взгляд на покрасневшую от сдерживаемых слез горничную. Того и гляди ручьями польются.

— Сдается мне, ты преувеличиваешь. Иначе бы там уже никто не жил. Верно?

— А куда им деваться-то? Без работы и средств к существованию. Кормятся тем, что сами вырастят.

Я всплескиваю руками и роняю их вдоль тела, пока Пегги расчесывает мне гребнем волосы.

— Напомни, милая, когда преставился мой батюшка?

Она снова шмыгает носом и глядит на мое отражение исподлобья. Игнорирую жалость в ее глазах и терпеливо жду ответа.

— Так накануне вашей свадьбы с господином. Полгода назад. А потом вы захворали.

Хмурюсь. Какие интересные детали всплывают! И какое счастье, что у меня есть Пегги! Единственный, но надежный источник информации.

— А матушка?

— Так во время ваших родов, госпожа, — кладет гребень на туалетный столик и подталкивает меня к кровати.

Помогает забраться и накрывает одеялом, заботливо подтыкает края и возвращается к стеклянному столику с лекарствами и пустой посудой из-под сытного ужина.

Взбиваю подушки и замечаю, что на одной, золотистой, вышиты инициалы «Б.С». Пожимаю плечами и опускаю на нее голову. Вдыхаю еле уловимый цветочный аромат. Знакомый и навязчивый. . . Настолько, что через минуту от него начинает подташнивать. На языке вертится название, но не удается вспомнить.

— Пегги, может, не надо? — с мольбой шепчу, когда Пегги подходит с пилюлями и стаканом воды. — Я от них дурею.

Горничная смотрит с сомнением то на меня, то на свою ладонь.

— Целитель прописал. . .

— Да ну его, этого целителя! Лучше скажи, я, что же, всегда пила эти пилюли и снадобья? Всегда ли я была...не в себе?

— Нет, что вы! — шмыгает носом. — С детства вы были особенной - нежной и хрупкой, отец так вас и называл: мой цветочек. Часто простужались, а он готовил для вас снадобья из растений. Не любили шумные мероприятия, проводили много времени в саду, как ваша матушка. Он оберегал вас, как мог. Но потом захворал, — опускает понуро голову и прерывисто вздыхает. — И нашел вам супруга. Покинув свой дом и переехав сюда, вы стали раздражительной и нервной. Господин вызвал для вас целителя, тот и поставил диагноз. С тех пор вы принимаете лекарства.

Что ж, теперь-то более-менее ясно, как я здесь оказалась! Вот только за каким лядом Стюарт взял в жены Белинду? Более подходящей партии не нашлось на такого знатного красавца? Да и Марисса сапоги ему обтирает и явно не только их.

Так в чем же причина?

Пегги сжимает пилюли в ладони и возвращается к столику. Ставит на него стакан и хватается за пузырек с каплями. Отмеряет нужное количество и несет мне в чайной ложке.

Принюхиваюсь с опаской. Валериана и пустырник. Их я не боюсь. И спокойно проглатываю.

— Пегги, милая, а зачем я такая скучная, нищая и немощная дракону-то сдалась, а?

Глава 9

— Ну не нищая, скажете тоже!

То есть, скучная и немощная ее нисколько не смутили? А, ладно!

— Тогда Расскажи, — с нажимом прошу и хлопаю по постели рядом со мной.

— Х-м-м, — тянет, бедняжка, и неуверенно присаживается на край кровати. — Так вы родились с мощным магическим даром в семье благородного рода и подходили господину Стюарту по знаковым импульсам. Ваш общий ребенок унаследовал бы его могущество и ваши таланты. Но в связи с вашей болезнью о наследнике не может быть и речи.

— То есть, я теперь для него абсолютно бесполезна?

— Да, — кивает, виновато заламывая руки. — Мне очень жаль, госпожа!

— Нет, милая. Ты-то при чем? Так судьба распорядилась, ничего не попишешь, — развожу руками. — Значит, найду себе место и призвание в Вороньей Тени.

Лицо Пегги морщится и бледнеет, глаза наполняются слезами. И только поверхностное натяжение не дает им пролиться водопадами отчаяния. Мне даже жаль ее становится.

— Как скажете, госпожа, — шмыгает носом и поднимается с кровати. — А теперь отдыхайте. Я вернусь утром и помогу собрать вещи в дорогу.

— Доброй ночи, Пегги, — зеваю и ныряю под теплое тяжелое одеяло и проваливаюсь в сон.

Но сплю беспокойно и постоянно ворочаюсь. Засыпаю под утро.

— Госпожа, я принесла завтрак! — верещит Пегги и разбивает мой шаткий сон.

Толкает ногой дверь и вносит поднос с дымящимися тарелками и чашкой. С сожалением осознаю, что ничего не поменялось, и в свой мир я не вернулась.

— Доброе утро, Пегги, — протягиваю и тру глаза кулачками.

В голове будто туман стелется, тело ватное. С трудом отрываю голову от подушки.

Чуда не случилось! Я в том же странном месте и чужом доме!

Да еще разбитая и помятая.

Сквозь прорези в шторах пробиваются лучи солнца. Щебечут птички, заливаются.

Нехотя откидываю одеяло и подползаю к краю кровати. Свешиваю ноги и вздыхаю.

Горничная несет поднос к кофейному столику и опускает на него. Смахивает воображаемый пот со лба и поворачивается ко мне. Спихватывается и наклоняется за пузырьками со снадобьем.

Я морщусь и протестующе махаю руками.

— Дай мне проснуться хотя бы и позавтракать! Кто натошак лекарства принимает?!

Смотрит на меня обескураженно, но слушается. Подбегает и помогает сползти с кровати. Как будто я сама не в состоянии!

— Да хватит уже, Пегги, — ворчу на нее. — Я не беспомощная.

— А если упадете опять? Я не могу допустить. Господин будет вне себя.

— Ой, плевал твой господин на меня и мои падения. Стоп! А когда я падала и как?

Пегги закатывает глаза и отпускает меня. Торопится в ванную комнату включить воду.

— Так давеча. Голова у вас закружилась, вы и шлепнулись на пол. Стекланный столик зацепили и поранились. Пришлось целителя вызывать посреди ночи.

— И часто я так... падаю?

Горничная пожимает плечами и возводит глазищи к потолку.

— Да как захворали, так и случаются с вами различные курьезы. Оттого господин и лютует. Поначалу он еще брал вас на светские мероприятия, а после нелепых ситуаций перестал.

Нелепые ситуации! Вот как называется дискоординация и головокружение после приема стремных лекарств! Лучше бы удосужился поинтересоваться у своего хваленного целителя, чем именно он женушку пичкает. Но нет, судьба бедняжки ему нисколько не интересна.

Да и мне, пожалуй, все равно. Скорее бы убраться от лорда Доусона как можно дальше и забыть его как страшный сон.

После нехитрых водных процедур под чутким и назойливым руководством Пегги, возвращаюсь в комнату и бреду к дивану. Опускаюсь на мягкий диванчик и провожу ладонью по бархатистой обивке. Все-таки, я как-то иначе чувствую мир вокруг себя. Острее, что ли.

Тянусь к чашке, поднимаю ее и заглядываю. Горячий чай пахнет душистой земляникой. Жадно и с наслаждением вдыхаю аромат. Ох, вкусно-то как!

Тянусь к тарелке с творожной запеканкой, игнорирую овсяную кашу и уплетаю мягкую, тающую во рту, выпечку. М-м-м! В меру сладкая, со сливочным вкусом и кусочками слегка кисловатой вишни. Идеальное сочетание!

Из глубины дома раздается звон колокольчика. Я вздрагиваю, а Пегги подскакивает и несет к двери. Приоткрывает ее, вслушивается в происходящее внизу и оборачивается ко мне лицом с вытаращенными глазами и широко раскрытым ртом в форме буквы “о”.

Замираю и таращусь на нее, забыв про дыхание.

— Милая, не томи. Что стряслось?

— Там, — тычет пальцем за дверь. — Там...

Глава 10

— Пегги, что ж ты делаешь со мной? — злюсь и возвращаю чашку с недопитым чаем на стол.

Поднимаюсь с дивана и разглаживаю складки темно-синего домашнего платья с тугим корсетом. А пульс молоточками долбит в висках.

— Целитель Барнс прибыл, — сообщает излишне драматичным голосом и облизывает губы.

Я закатываю глаза. Ох, эта Пегги! С ней мы не доедем до Вороньей Тени, со страху помрем раньше от ее впечатлительности.

— Без его вердикта я же никуда не поеду, верно? Так чего тянуть?! Веди меня к нему, дорогуша, — решительно направляюсь к двери.

Пегги нервно покусывает кончики ногтей, но все же берет себя в руки. Провожает меня до дивана, придерживая под локоток.

— Обычно он здесь вас осматривает, — возражает горничная и тяжело вздыхает.

— Не дергайся ты так, прорвемся, — успокаиваю ее, а у самой тревожно горло сдавливает.

Едва отворяется дверь, как меня охватывает неприятное ощущение.

На пороге стоит сухой и высокий господин в темно-сером камзоле и черных шерстяных брюках. Жидкие седые волосы зачесаны набок и прикрывают поблескивающую лысину. В руках он держит коричневый кожаный чемоданчик.

— Доброе утро, Белинда, — скупно улыбается и проходит в комнату.

За спиной у целителя с каменным видом возвышается Стюарт. Смотрит через комнату равнодушным взглядом.

Целитель поочередно поднимает флакончики и разглядывает их содержимое на просвет, другой рукой поправляет очки.

— Рад вас видеть в добром здравии, — говорит и указывает мне на диванчик. — Прошу вас, присаживайтесь. — А потом ставит флакончик обратно на стол и обращается к Стюарту: — Дальше мы сами, господин Доусон.

Стоим в тишине, пока Стюарт не разворачивается к двери. А уходить он явно не хочет. Бросает на меня уничтожающий взгляд и покидает комнату.

— Что ж, приступим, — говорит целитель Барнс и подходит ко мне. — Вижу, ваш взгляд проясняется. Значит, назначенное мною лечение имеет положительную динамику. Приподнимите голову, милочка.

Послушно исполняю его просьбу. Господин Барнс подходит ближе и поднимает руки, подносит их к моим вискам. Боковым зрением вижу, как с его пальцев срываются голубые искорки и тянутся нитями к моей голове. Охватывает странное чувство, будто... чьи-то бесплотные руки копошатся внутри черепа.

— Х-м-м, — тянет целитель. — Вам гораздо лучше. Настоящее чудо! Но не будем радоваться прежде времени. Прошу, прилягте на спину.

Убирает руки и ждет, пока я приму горизонтальное положение. Склоняется и водит ладонями вдоль тела, при этом озадаченно хмурясь.

— Похоже, хворь отступает. Но, повторюсь, спешить не будем с выводами.

Выпрямляется и отходит к столику. Открывает кожаный чемоданчик и извлекает из него скрученные листы пергамента.

Я поднимаюсь и сажусь, наблюдая за ним. Ничего себе осмотр! Раз, и готово. И что он почувствовал, мне, конечно, знать не положено.

Опять лекарства назначит?

— Крайне любопытный случай, Белинда. Впервые за практику с таким сталкиваюсь, — бубнит себе под нос и что-то строчит пером на бумагах. — Выпишу вам несколько снадобий, будете принимать по схеме, которую подробно распишу. Уж не знаю, кто за вами будет присматривать в Вороньей Тени, но совершенно точно одну вас отпускать нельзя. Это опрометчиво и опасно для вашей жизни.

Разворачивается ко мне и, поправляя очки, всматривается в лицо.

— По окончании курса лечения я вас навещу и снова осмотрю, — убирает перо в специальный футляр и прячет в чемодан. Закрывает его и снимает со стола. — Я передам вашему супругу свои рекомендации и пожелания. А вам желаю скорейшего выздоровления и удачи в непростых условиях Вороньей Тени. Если выздоровление пойдет тем же курсом, то существует вероятность вернуть ваши магические импульсы и подавленную магию.

— Подавленную магию? — растерянно переспрашиваю и морщу лоб, глядя на целителя.

Он коротко кивает с невозмутимым видом.

— Да, именно ее. Как и при каких обстоятельствах с вами произошло это несчастье — для меня загадка. То ли хворь глушит ее, то ли вы приняли специальное зелье. Но я почему-то уверен, что вы не способны на такое, Белинда. Потому остается надеяться на первый вариант. Хворь мы победим, я вам обещаю. Доброго дня, Белинда.

И покидает комнату. А я сижу еще несколько минут в тишине и соображаю — что к чему. Осмотр прошел гладко, даже слишком, целитель не заметил подмены. А если и заметил, то списал на болезнь. Отлично! Вот только про подавленную магию я ничегошеньки не поняла.

Мне ее кто-то... подавил?

Тихонько вздыхая, поднимаюсь с диванчика и тороплюсь к двери. Интересно же, что целитель извергу поведает вдали от моих ушей!

Осторожно выхожу и приближаюсь к перилам лестницы. Вижу в холле Стюарта, целителя Барнса и Мариссу. Что-то с лицом у девицы не то — похоже, она не рада улучшению моего состояния.

— Не вижу препятствий отпустить Белинду. Деревенский быт и свежий воздух благотворно повлияют на ее состояние. Убедитесь, что она соблюдает режим приема снадобий, — передает Стюарту свиток с назначениями.

Муженек разворачивает его и, хмурясь, вчитывается.

— Благодарю, господин Барнс. Учту все ваши рекомендации. Завтра же посажу ее в экипаж до Вороньей Тени.

— Но как же так? — встревает Марисса встревоженным голосом. Но под тяжелым взглядом Стюарта сбавляет тон и виновато улыбается. — Я хочу сказать, Белинда опасна для окружающих! Вы сильно рискуете, отпуская ее. Она нуждается в присмотре. Почему ее нельзя отправить в Обитель безмятежности?

— Поясните, Марисса, — хмурится целитель. — У вас есть возражения? Вы не согласны с моим профессиональным мнением?

— Не согласна! — с вызовом восклицает она, игнорируя суровый взгляд Стюарта. — И сейчас я вам докажу!

Ее глаза горят недобрым блеском. Марисса торопливо засучивает рукава платья и протягивает руки целителю Кертису. — Вот, полюбуйтесь!

Я свешиваюсь с перил по пояс, чтобы разглядеть ее аргументы. Пульс колотится в горле, страх дрожит холодком в груди. Неужели она все испортит?

Глава 11

Целитель Барнс придерживает дужку очков и наклоняется, рассматривает изящные руки Мариссы. Я с высоты лестницы не вижу, что там у нее.

Вроде царапины и отметины от полумесяцев ногтей на запястьях? Из-за них же и вышел из себя Стюарт. Но я-то уверена - Белс не просто так в нее вцепилась! Еще бы вспомнить....

— Ерунда. Ничего серьезного не вижу. Вы как всегда драматизируете, милочка. Ссадины, кожа почти не повреждена, — беспристрастно выдает господин Барнс, чем зарабатывает в моих глазах сразу сотню очков. Выпрямляется и смотрит на девуцу. — Это не аргумент удерживать Белинду взаперти, Марисса.

Любовница мужа трясет губой и хлопает ресницами.

— Она мне руки исцарапала, — давит из себя жалостливым голосом.

Целитель вздыхает и направляется к двери.

— Уверен, ваши царапины - чистая случайность и недоразумение, — примирительно возражает ей мягким голосом. — Позже я навещу нашу болезную. Доброго дня, господин Доусон.

— Благодарю вас, господин Барнс, — отзывается Стюарт и провожает его к двери.

Я поспешно возвращаюсь в комнату, улыбаясь своим мыслям. Ох, Марисса! Ты старалась, но потерпела поражение. Но рано радоваться. Эта змея может еще что-нибудь выкинуть.

Отмахиваюсь от тревожных мыслей и направляюсь к столику со снадобьями. Открываю их по очереди и принимаюсь. Травы, травы, а это что? Фу-у!

Отставляю пузырек с темно-зеленой жидкостью. Пахнет отвратно и подозрительно.

Из-за двери слышится странный грохот и верещание Пегги. Едва успеваю отойти от столика, как дверь распаивается. И в комнату въезжает, собирая палас складками, сундук с массивным деревянным корпусом, украшенным искусной резьбой и позолотой. Замок с изящными металлическими накладками позвякивает при движении.

Следом за ним появляется темноволосый мужичок в простой льняной рубашке и серых штанах на подтяжках.

— Все, оставь здесь, — командует Пегги. — Спасибо, Тим.

Мужик выпрямляется и кланяется мне.

— День добрый, госпожа Белинда, — бухтит он и пятится. — Зовите, ежели понадобится.

Тим, наш извозчик - всплывает в памяти Белинды.

Я улыбаюсь ему и киваю. Помощники мне пригодятся, тем более такие доброжелательные.

Пегги заходит, почти выталкивая мужичка в коридор, и закрывает за собой. Потирает ладошки и смотрит на меня большими глазами.

— Приступим, — соглашаюсь и решительно направляюсь к шкафу.

Посмотрим, что есть у Белинды.

Остатки дня проходят в сборах. Снимаю с плечиков все, что кажется подходящим для жизни в деревне. Похоже, Белинда знала толк в изящных платьях, любила кружево и благородные ткани. Но ничего из этого не годится.

Отбираю практичные наряды из шерсти и плотной ткани, легкие летние и повседневные платья. Теплую одежду тоже не забываю - пальто, рукавички. Обувь без каблуков. И шляпки.

Зачем ей столько шляпок?

Никогда не понимала, в чем их прелесть. Но одна мне нравится - темно-фиолетовая, с розовой лентой и тонкими перышками. Идеально подходит под приглянувшееся мне платье глубокого сливового цвета с открытыми плечами. Примеряю ее перед зеркалом и подмигиваю своему отражению. В деревне буду блистать. Модница столичная. Хех.

Оборачиваюсь и вижу, как Пегги запихивает подушку в сундук, за ней сложенное одеяло. А она хороша - отмечаю про себя и усмехаюсь. Кто знает, в какие условия я отправляюсь. Практичная и находчивая Пегги мне нравится все больше.

Уставшие и растрепанные, опускаем тяжелую крышку сундука и садимся на нее. За окном уже стемнело. Глаза слипаются, и ужасно хочется спать.

— Мы молодцы, — выдыхаю и смотрю на Пегги. — Осталось собрать вещи первой необходимости. Мыло, гребень....

— Ой, госпожа, — отмахивается горничная. — Я все соберу, не беспокойтесь. Вот только ужин принесу.

Подрывается и семенит к двери. А я поднимаюсь с сундука и бреду к кровати. Плюхаюсь на нее и переворачиваюсь на спину. Гляжу в потолок.

Завтра я уже буду далеко от этого места смотреть в другой потолок и вдыхать совсем иные запахи. Деревней меня не напугать. Я каждое лето к бабушке ездила, помогала по огороду. Всегда находила прелесть в отсутствии водопровода и прочих городских условий в доме. И считаю те времена самыми счастливыми днями своей жизни.

Незаметно проваливаюсь в сон. Вздрагиваю от звяканья посуды и распахиваю глаза.

Пегги стоит, склонившись, над подносом. Выпрямляется и поворачивается ко мне с тарелкой жаркого. От него тянется пар, на всю комнату разносится аппетитный аромат картофеля и мяса. Рот наполняется слюной. Как тут удержаться?

Пока я трапезничаю, Пегги шуршит в ванной. Расслабляюсь и откидываюсь на спинку дивана, попивая земляничный чай.

Медленно и почти бесшумно открывается дверь, но по спине будто пуховкой проводят. Передергиваю плечами и оборачиваюсь, чуя неладное. Кого там принесло на ночь глядя?

Глава 12

Вижу *его* и задерживаю дыхание. Зачем явился? Добить меня?

Наговорить гадостей напоследок?

Муженек стоит в проеме и взирает на меня темным равнодушным взглядом. Весь такой безупречный, точно с постера к эпическому фэнтези сошел. Но меня его красота не трогает. Вот ни капельки!

Выпрямляюсь и подаюсь вперед, демонстративно игнорируя Стюарта. Ставлю дрожащими руками чашку на стол. И складываю их на коленях.

Он проходит в комнату и закрывает за собой. С каждым его шагом в мою сторону сердце бьется быстрее и отчаяннее. Облизываю губы и кошусь на прикрытую дверь в ванную комнату. Даже если Пегги слышит нас, то не осмелится высунуть нос.

Стюарт останавливается справа от меня и убирает руки в карманы брюк. Его взгляд обжигает щеку.

— На самом деле, я сожалею, что так сложилось. Я знал твоего отца, он был достойным человеком. Я его уважал. Но вы оба обвели меня вокруг пальца, а такого я стерпеть не могу. Уж не знаю, как именно вы провернули ритуал совмещения, и он показал нашу магическую совместимость. А после свадьбы ты оказалась пустышкой, Белинда. Никаких импульсов, никакой магии. Еще эта болезнь.... Так и не понял, что с тобой произошло. Почему ты не в себе. А его смерть тебя окончательно подкосила.

Молчу и смотрю упрямо на зашторенное окно, считаю складки. Стюарт вздыхает и обходит диван. Его взгляд падает на шляпку, оставленную на столике.

— Ты не смогла оправиться, как и я простить предательство. Но пока вынужден оставаться твоим опекуном. С этим я тоже разберусь со временем. О чем я вообще думал? Подарили мне надежду, вот и купился. Надо было раньше тебя отправить в родовое имение, а я жалел бедняжку. — выдерживает паузу и пренебрежительно бросает: — В Вороньей Тени ты можешь носить свои безвкусные шляпы. К счастью, я этого не увижу.

Сжимаю кулачки и стискиваю челюсти. Жалел он меня, значит?!

Шляпы безвкусные? Да теперь я просто обязана их прихватить с собой!

Встает напротив меня, загораживая штору, на которую я не моргая таращусь.

— Посмотри на меня, Белинда, — велит обманчиво мягким голосом, в котором улавливается властная нотка.

Делаю над собой усилие и поднимаю глаза к его лицу. Дыхание перехватывает.

— Будь готова к отъезду сразу после завтрака. Дорога неблизкая. Надеюсь, в Вороньей Тени ты найдешь утешение.

Мгновение смотрит на меня и неторопливо покидает комнату. Сажу неподвижно, пока его шаги не стихают. Раздается щелчок закрываемой двери, и я остаюсь наедине с собой и тишиной.

Пегги притихла в ванной. Спинным мозгом чувствую, как она выглядывает и крадется в комнату.

Ох, Белинда! Что же вы с отцом намудрили? А мне теперь расплачиваться за ваши ухищрения с магией? За что бедолагу-дракона обидели? Да ладно, не тянет он на бедолагу. Тот еще жук! Жить под одной крышей с женой и любовницей его нисколько не смущает. Еще и Белс оказалась крайней.

Любопытно, а как давно змея по имени Марисса в этот дом заползла? И ведет себя как полноправная хозяйка.

Ой, не мое это дело! Пусть творят, что хотят, а меня ждет Воронья Тень. Совет им да любовь! Мне в прошлой жизни хватило мужа-изменника, в новой даже думать о нем не хочу. Не удостоился такой чести. Завтра сяду в экипаж и помашу Стюарту из окошка. Им обоим.

С этой мыслью и улыбкой на губах засыпаю.

Будит меня звонкий голосок Пегги и звук раздвигаемых штор.

— Госпожа, пора подниматься, — взволнованно тараторит горничная и спешит к кровати.

Разлепляю веки и потягиваюсь. Ох, да что ж такое? Почему так звенит в голове, и тело не слушается?

Но не смотря на состояние, я полна сил и решимости покинуть этот токсичный дом с его токсичными обитателями.

За окном светит солнце, щебечут птички, и на душе светлеет. Откидываю одеяло и соскальзываю с кровати. Пегги сопровождает меня до ванны. Осматривается, пока я умываюсь и чищу зубы зубным порошком. Показываю на него пальчиком, чтобы горничная не забыла положить в сундук.

— Не волнуйтесь, госпожа, — отмахивается та. — Я все предусмотрела и положила с запасом.

Не могу нарадоваться на Пегги!

Пока я уплетаю пышный омлет и запиваю его земляничным чаем, она заплетает мне волосы в некое подобие небрежной косы. Потом помогает надеть дорожное платье - то сливовое, на которое я глаз положила.

Оно сидит на мне как влитое и выгодно подчеркивает изящную фигурку, тесно облегает талию и расходится книзу. Обуваю черные туфельки на низком каблуке, а в довершение образа - надеваю шляпку. Белс! Ты чудо, как хороша! А что? Сама себя не похвалишь в этом доме - никто не похвалит.

— Госпожа, подождите в гостиной, пока сундук спустят на первый этаж и погрузят в экипаж, — говорит Пегги, собирая пузырьки со снадобьями со стола. — А я забегу на кухню.

Обвожу безразличным взглядом комнату и направляюсь к двери. Выхожу в коридор и спускаюсь по лестнице. Но, приблизившись к дверям гостиной, замираю и прислушиваюсь к голосам.

В груди тяжелеет от эмоций прежней Белинды. Она была готова на все, только бы не заходить в гостиную сейчас!

Глава 13

Но я делаю над собой усилие и переступаю порог.

В глаза сразу бросается грузная дама неопределенного возраста в алом платье, сидящая за столом. Соломенные волосы собраны в высокую прическу. Лицо, плавно переходящее в шею, обрамляют завитые пряди. Темные глаза-пуговицы следят за мной, тонкие губы покрыты алой помадой.

Перед ней стоит вазочка с шоколадными печеньями. Дама бросает одно за другим в рот.

В комнате раздвинуты шторы, и солнечный свет наполняет ее. У окна стоит Марисса в пурпурном платье, скрестив руки на груди. На звук моих шагов слегка поворачивает голову и обдает меня пренебрежительным взглядом. Ни намек на заботу и беспокойство, о которых говорил Стюарт. Девушка на дух не переносит Белс.

Беззвучно хмыкаю. Тоже мне новость! Было бы куда неожиданнее, если бы и правда переживала.

Прохожу к столу и отодвигаю стул напротив тучной дамы. Ее взгляд неприятен и назойлив. Крошки от печенья сыплются на белую скатерть и в вырез ее платья.

— Явилась, блаженная, — цедит дама и фыркает. — Кто тебя без присмотра из комнаты выпустил? — и отправляет в рот сладкую выпечку.

Я невольно кривлю губы и опускаю голову, чтобы она не увидела.

— Вредительница, — продолжает бухтеть она. — Весь сад перерыла. Розы, мои розы испоганила! — не прекращая жевать, возмущается. — Что смотришь? Про тебя говорю!

С усилием давлю в себе желание рассмеяться. Дама демонстративно воротит нос от меня и отправляет в рот очередное печенье. Вазочка стремительно пустеет. Присаживаюсь и складываю руки на коленях. Ну до чего мерзкая тетка!

Прям вылитая Галина Петровна с шестого этажа. Вечно злобится на соседей и жалуется своей откормленной мопсике. Если бы не родинка на щеке, решила бы, что это она и есть.

Будто услышав мои мысли, тетка давится печеньем и начинает кашлять, сотрясаясь всем телом.

— Маменька! — сквозь зубы шипит Марисса и подбегает к ней. — Ну куда столько сладкого? У вас опять сахар поднимется, — подходит и отбирает у тетки блюдо с печеньями.

Отставляет на мою половину стола и возвращается к окну, обнимая себя за плечи. Нервничает, кого-то высматривает через окно. Экипаж, наверно, ждет - не дождется. Ох, как ей не терпится избавиться от меня!

Так эта дородная тетка - ее мать? Не догадалась бы. Марисса вся такая утонченная, талию двумя пальцами можно обхватить. Сама небось не ест мучное, чтобы фигуру сохранить.

Ох, Белиндушка, как ты могла такое допустить? Любовница твоего муженька пускает корни в его доме при живой жене и тащит в него свою мамашу. Неужели ты настолько бесхребетной была?

И о чем Стюарт только думает? Он же явно любит миниатюрных женщин. Как говорится, хочешь узнать, как девушка будет выглядеть в зрелости - посмотри на ее мать.

И тут довольно колоритный пример сидит, выпечку уничтожает!

Другой бы уже насторожился. Или, как минимум, задумался. Пока Мариссе не надел на пальчик заветное колечко, она будет питаться пылью и росой, а потом расслабится. И пиши пропало.

Тетка поджимает губы и с вселенской тоской глядит на недоеденное печенье. А потом переводит взгляд на меня и упирается им, шурит презрительно глазки-пуговицы.

Аж горло сдавливает. Отворачиваюсь и жду. А чего, собственно, я жду? Где обещанный экипаж?

— В Воронью Тень собралась? — хмыкает тетка, но я упрямо не смотрю на нее. Ковыряю увлеченно пальцем уголок стола. Из образа еще рано выходить, но и переигрывать опасно. — Там тебе и место. Сгинешь, и слава драконьим богам! Никчемное создание. Наконец-то доченька моя станет законной супругой лорда Доусона. Давно пора было от тебя избавиться.

Нет, вы поглядите на нее! Уже распланировала и мою жизнь, и свою, и дочурки.

Медленно поворачиваю голову и смотрю на нее в упор. Да сколько же можно терпеть такое отношение?

Глазенки тетки расширяются, брови ползут на лоб. Чувствует, змея, что ей могут ответить. И я бы много чего высказала, но приходится держать себя в руках.

Протягиваю руку и поддвигаю к себе вазочку с печеньем. Беру одно и отправляю в рот.

М-м-м! И правда - вкусотища! Прямо тает во рту. Жую с нескрываемым удовольствием и невинно улыбаюсь мерзкой тетке. А ее аж трясоти начинается. Зрелище не для слабонервных, меня же смех пробирает.

— Вот нахалка! — верещит она, наблюдая за мной.

Не отводя от нее взгляда съедаю все содержимое и отряхиваю ладони над вазочкой. Лицо тетки пятнами идет. Зря я так. Еще удар хватит, а я буду виновата. Но не могу удержаться.

С улицы доносится грохот колес и цокот копыт. Похоже, за мной приехали.

Снова отворяются двери. Марисса оборачивается, и на губах ее как по волшебству появляется милейшая улыбка.

Еще не вижу, кто на пороге, а по спине уже ползет липкий холодок. Горло перехватывает от страха.

Глава 14

Медленно поворачиваю голову и наблюдаю безупречного Стюарта в черной рубашке, расстегнутой до середины груди, черных облегающих брюках, заправленных в сапоги. Волосы в художественном беспорядке, будто после салона красоты. Лицо - каменная маска.

Беззвучно вздыхаю. Хорош, негодяй.

Его темный взгляд падает на жабу в красном. А я избегаю на него смотреть и разглядываю свои ухоженные ноготки миндалевидной формы.

— О, господин Доусон! — суетится мать Мариссы и поднимается из-за стола, чудом не опрокидывая стул. — А я доченьку навестить приехала! Так рада вас видеть...

Стюарт едва заметно морщится и жестом заставляет тетку вернуться на стул и захлопнуть рот.

— Белинда?

Вот как ему удастся произносить мое имя одновременно уничижительно и вежливо? Уметь надо.

Смотрю на него вопросительно. Дракон невозмутим и холоден, убирает руки в карманы брюк.

— Твои вещи погружены в экипаж. Все готово к отъезду.

Коротко киваю и поднимаюсь со стула. Беру шляпку со стола и надеваю ее. С гордым видом следую к дверям. Стюарт же ясно дал понять, что мне пора на выход.

Между лопаток свербит от мерзких взглядов. Вот же змеи! Изводить Белинду вздумали. Ничего! Скоро все свободно вздохнут. В том числе и я.

Стюарт возвышается надо мной и давит взглядом. Пегги притихла и жмет к перилам. Проскальзываю мимо муженька в дверной проем и тороплюсь выйти на крыльцо. Стюарт не сдвигается с места, но я чувствую его навязчивое присутствие.

На улице пригревает солнышко и пахнет весной. С наслаждением вдыхаю кристально чистый воздух. Чудесный день для начала новой жизни!

Оборачиваюсь на огромный особняк белого камня с панорамными окнами. Он ничего для меня не значит, как и его хозяин. Который, кстати говоря, смотрит на меня пристально, стоя в дверном проеме, будто портрет в раме.

Испытывает ли дракон хоть что-то по поводу отъезда Белинды? Будет ли скучать? Ой, сильно сомневаюсь. В его уютном гнездышке пригласил змея, готовая исполнить любой каприз и заменить жену. Да и флаг им в руки!

Черно-серебряный экипаж с гербами в виде драконьей головы на дверях, запряженный шестью белыми лошадьми, стоит перед домом. За ним еще один - грузовой.

Слышу шаги и оборачиваюсь. Пегги спускается по ступеням, волоча одной рукой увесистый чемодан, а в другой держит небольшую корзину.

С облучка экипажа спрыгивает Тим в дорожном камзоле и брюках и помогает ей с багажом. Горничная с кислым видом провожает взглядом свой чемодан до грузового экипажа и горестно вздыхает, кутаясь в серую накидку.

— И куда ты собралась? — смотрю на Пегги, сощурив лукаво глаза.

Она моргает и поворачивает голову. Берет себя в руки и глубоко вдыхает. Вскидывает подбородок и смотрит на меня решительно. Даже нижняя губа не трясется - вот это сила воли!

— Я с вами в этот дом пришла - с вами и уйду! — заявляет, сжимая кулачки.

Улыбаюсь ей и, придерживая платье, спускаюсь к экипажу.

— И я рада этому, Пегги. Мне не помешает твоя помощь и поддержка.

Мои каблучки стучат по каменной плитке. Тим подает мне руку и помогает забраться в экипаж. Придерживаю шляпку и забираюсь.

Внутри просторно и комфортно, даже пахнет приятно, почти как в салоне дорогого автомобиля. Следом забирается Пегги и садится напротив. В ее глазах застыли непролитые слезы, но она старательно изображает смирение.

Усмехаюсь и смотрю на крыльцо. Неосознанно ищу глазами Стюарта, застывшего в полумраке прихожей. В груди дрожит неясное тепло - отголоски воспоминаний и эмоций Белинды. И все-таки она любила эту каменную глыбу. Ну а я - нисколько!

Скучать не буду. Вычеркну из своей жизни с легкостью и без сожалений.

— Белинда! — на крыльцо выходит Марисса с каким-то мешком в руках и спускается к экипажу.

Протягивает мне и скорбно улыбается.

— Ты забыла свою любимую подушку, — как ни старается выглядеть доброжелательной, а глаза остаются холодными. Но она и не для меня старается. — Я упаковала ее, чтобы не испачкалась по дороге.

Смотрю на Мариссу, подушку, завернутую в тонкое покрывало, и снова на Мариссу. Так и подмывает сказать “Я как бы не собиралась валяться в грязи... по дороге”. Здесь предостаточно извалялась. Но ладно.

Отвечаю ей милейшей из улыбок.

— Ты так внимательна, Марисса. Даже не знаю, как тебя благодарить, — беру из ее рук подушку и сминаю в руках, пока любовница мужа возвращается на крыльцо.

Бросаю на сиденье и фыркаю. Перед Стюартом хочет выглядеть божьим одуванчиком. Ну-ну. Теперь-то он в полной мере насладится цветником, в котором остается.

Экипаж трогается, под колесами шуршат камешки. Пегги провожает взглядом особняк, но ловит мой взгляд на себе и выдавливает из себя улыбку.

Первое время увлеченно таращусь в окно. В новом для меня мире все интересно и необычно. Пейзажи поражают красотой и насыщенными красками, несмотря на раннюю весну. Проносящиеся мимо небольшие города сменяются деревушками, а после - холмами и полями.

Через несколько часов пути устраиваем привал в лесу. Пока Тим поит лошадей, я разминаю ножки и прогуливаюсь между деревьями. Под ногами шелестит прошлогодняя листва, из-под которой уже пробиваются зеленые росточки. Как же здесь легко дышится!

С ветки на ветку прыгают, чирикают, воробьи. В воздухе витает свежий аромат распускающихся почек, а солнечные лучи, пробиваясь сквозь ветви, играют на поверхности земли, словно золотые искры. Наблюдаю за птицами, а в груди дрожат отголоски чувств настоящей Белинды. Она бы не решилась уехать. Бедняжка не ценила себя, и к чему это привело? Эх, хотя бы намекни, что с тобой случилось. Как докатилась до такой жизни, а?

В ответ тишина.

Остается только догадываться, как именно она умерла. И зачем Мариссе руки расцарапала? Я бы в лицо вцепилась. Или в волосы. Но, увы, меня тогда там еще не было. Да и что бы это решило? Спасать брак со Стюартом я точно не стала бы.

Удивительное дело, насколько молниеносно жизнь Белинды вытесняет мою и гасит воспоминания. Мужа-изменника, кувыркающегося с любовницей в нашей постели, я вспоминаю как страшный сон. Туманный, без деталей, лишь размытые образы. Надеюсь, дни, проведенные Белс со Стюартом, я и не вспомню. Ахах!

— Госпожа-а! — окликает меня Пегги.

Качаю головой, отгоняя мрачные мысли, и оборачиваюсь. Далековато я забрела, пора возвращаться.

Горничная расстелила платок на широком пне и выложила на него припасы. Перекусываем пышными булочками и молоком и отправляемся в путь.

Мерное покачивание экипажа вскоре усыпляет меня. Сквозь сон слышу, как ветви деревьев хлещут по крыше экипажа. Царапают и скребут точно когти огромного чудища. Распахиваю глаза и всматриваюсь в темноту за окном. Уже ночь? Сколько же мы едем?

— Где мы, Пегги? — спрашиваю у сладко зевающей горничной.

— Не знаю, госпожа. Похоже, уже близко.

— Тпрууу! — Тим тормозит лошадей.

Экипаж останавливается и покачивается, когда он спрыгивает с него. Слышу, как переговаривается с возницей грузового экипажа. А потом стучит в нашу дверь.

— Госпожа, мы застряли. Попробуем прорубить путь. Если не поможет - придется идти пешком.

Новость не обнадеживающая, ну а куда деваться? Ждем в экипаже, пока мужчины ломают ветви, мешающие проехать, и убирают их с дороги. Прикрыв веки и обмякнув, не сразу понимаю, что слышу.

Снаружи раздается странный утробный вой и сменяется отборной руганью Тима. Ощущается возня. Хрустит валежник, и меня охватывает внезапное чувство тревоги. Сон как рукой снимает.

— Ой, что это? — верещит Пегги.

Она сидит в темноте экипажа, только белки выпученных глаз светятся.

Я прижимаюсь лицом к запотевшему стеклу, протираю его ладонью и силюсь разглядеть хоть что-то. Как вдруг дверь распахивается, и в экипаж заглядывает Тим.

— Там что-то... для чего у меня нет слова, госпожа, — хрипло поясняет и сглатывает. Его горло судорожно дергается.

Я выглядываю наружу. Над верхушками деревьев кружат вороны и издают зловещие крики. Их карканье и хлопанье крыльев разносятся по лесу эхом.

— Волки? — настороженно протягиваю и опускаюсь обратно на сиденье.

— Нет, не похоже. Слишком быстрые для волков. И, кажется, двуногие.

Приехали! Всякой чертовщины мне только здесь не хватало!

Глава 15

В экипаж что-то врзается. Пегги визжит и закрывает лицо ладонями. А я, пересмотревшая все достойные и недостойные внимания фильмы ужасов в свое время, сижу в оцепенении и лихорадочно соображаю.

Вурдалаки? Гули? Оборотни? Зомби слишком нерасторопные.

Что там еще бывает на двух ногах и шустрое?

Снова удар в бочину экипажа. Тим запрыгивает к нам и запирает дверь. Глаза у него ничуть не меньше, чем у Пегги. А у нее уже нет сил кричать. Утыкается лицом в колени и что-то причитает себе под нос. Молитву?

Отмахиваюсь и смотрю в чернь леса. Вдалеке виднеются желтые огни и они приближаются, покачиваясь между ветвей. Сердце заходится от страха, адреналин гоняет кровь по венам. Не так я себе представляла тихую жизнь в деревне!

— Кого это к нам принесло? — слышится мужской голос снаружи.

Огни светят в окно - кто-то поднес фонарь к дверце и высматривает нас. Тим смотрит на меня - ждет дозволения.

— Открывай, конечно! — восклицаю и развожу руками. — Сами мы вряд ли выберемся.

Он нажимает на ручку и толкает дверь. Перед нами стоит пожилой мужчина и тощий юноша лет восемнадцати с керосиновыми фонарями и в простенькой мешковатой одежде.

— Как вас угораздило свернуть сюда? — упрекает нас тот, что старше.

— Мы едем в усадьбу Воронья Тень, — терпеливо поясняет Тим.

— О, — удивляется старик и потирает подбородок. Переглядывается со спутником и снова нас рассматривает. — В таком случае, придется немного прогуляться. Вы свернули на лесную тропу, а главная дорога правее. Хорошо, что мы вас услышали! А то б заночевали тут, кхе-кхе. А в темное время здесь небезопасно.

— Мы что-то слышали, — говорю и снова осматриваюсь. — Как будто кто-то выл, а потом в наш экипаж что-то влетело со всего маху.

Мужичок морщится и отмахивается.

— Вороны. Они у нас наглые и вечно голодные. Уж не знаем, что с ним делать.

Ничего себе вороны! Я ж чуть не поседела, чего уж говорить о Пегги. А это всего лишь птицы. Пффф! Вот же воображение разыгралось.

Тим выбирается и подает мне руку. Мужчины с фонарями расходятся в разные стороны. Осторожно ступаю на проселочную дорогу. Снег давно сошел, и земля сухая. Оглядываюсь. Окутанный сумерками лес с голыми деревьями и сухой прошлогодней травой кажется мрачным. Запрокидываю голову и смотрю на небо. Вороны кружат, точно тени, наблюдающие за происходящим внизу. Закат раскрашивает облака желто-лиловыми красками.

— Откуда вы будете и кто, простите? — интересуется тот, что постарше.

Я открываю было рот, но Тим меня опережает.

— Госпожа Белинда Доусон, дочь господина Олсена.

По лицам мужчин заметно, что имена им знакомы.

— Что ж вы сразу не сказали? — бухтит старший и разворачивается к дороге, раздавая указания: — Чего ж мы стоим? Джек, помоги господам с экипажами. А я пока леди Олсен до усадьбы провожу.

Пока Тим и второй возница успокаивают лошадей и решают, как выбираться, седовласый ведет меня и Пегги по дороге.

— Мы-то вас не ожидали увидеть, госпожа, — оправдывается он и идет торопливым шагом, прихрамывая на левую ногу. — С тех пор, как ваш батюшка почил, к нам никто не наведывался. Что же вас привело?

— Планирую здесь устроиться и развести хозяйство, — мечтательно заявляю я и кручу головой, осматриваясь.

Мы выходим к широкой проселочной дороге, вдоль которой по обе стороны выстроились небольшие домики. Из дымоходов некоторых из них поднимаются облачка дыма.

Между постройками свободно разгуливают куры. В окнах домов горит тусклый желтый свет. Местами попадаются покосившиеся заборы, где-то их и вовсе нет. Впереди, среди верху-

шек деревьев маячит крыша особняка. Переходим дорогу и бредем к нему мимо яблоневого сада и рыхлого поля. В вечерних сумерках вид унылый и заброшенный. Ох-х-х.

Мужичок хрипло смеется.

— Шутить изволите? Какое ж здесь хозяйство? Ну да ладно, — отмахивается и раздвигает свесившиеся ветви ивы. — Почти пришли. Вон ваша усадьба, кхе-кхе.

Ступаю по дорожке, выложенной плоскими камнями, между которыми пробивается молоденькая травка. Прохожу мимо покосившегося деревянного забора и останавливаюсь. Нет, я конечно, всякое могла представить, но только не это.

Вот блин блинский!

Глава 16

Среди переплетающихся голых ветвей кустарников и старых деревьев виднеется трех-этажный особняк, покрытый вьюнами и мхом, будто сама природа хотела скрыть его от любопытных глаз.

Крыша, когда-то крытая черепицей, местами изъедена временем и дождями. Окна со ставнями чернеют в сумерках. Небольшое крыльцо с резными перилами тонет в сухих зарослях, затянутых паутиной.

Подхожу ближе и осматриваюсь вокруг. Что ж, могло быть и хуже!

— Пегги, — шепчу горничной. — Разве мой батюшка не здесь жил последние годы?

— Что вы, госпожа, — надувает губы и смотрит с укором. — Вы с ним в город перебрались, как ваша матушка померла. Здесь лето проводили, потом в академию поступили. Он же сюда наведывался, пока здоровье позволяло.

Хмурюсь и качаю головой. Вот же ж!

— А с городским домом что?

— Так он это, — мнетя девчушка. — Во владении господина Доусона, он же ваш опекун.

Чудесно, просто чудесно! Белинда еще и бездомная. Разве что этот ветхий особняк остается. Обложил со всех сторон, драконище.

Дом и двор в запущенном состоянии, сад и огород заросли и превратились в молодой лес. Работы невпроворот! Но меня не напугать, нет. Детство, проведенное у бабушки в деревне, научило многому. Ох, сколько заброшенных домов и садов мы с друзьями облазили! Тоже мне беда.

— В таком случае, пойдем осмотримся внутри, — бодренько семеню к дому, переступая через поваленные ветки. — Нам же где-то нужно спать. Верно?

— Верно, — бухтит горничная и бредет за мной.

Пейзаж серый и унылый, не считая красочного заката. Вдалеке лает собака, в сараях мычат коровы. Какое-то хозяйство здесь все-таки имеется! Уже радует.

Из домов на дорогу высыпают редкие жители и глазят на нас. Подходить ближе побаиваются и наблюдают издалека. Улыбаюсь и машу им рукой. Какие-то мрачные и истощенные. Даже в полумраке замечаю болезненные синяки у всех под глазами.

Поднимаюсь на крыльцо, деревянные ступени жалобно и предупреждающе скрипят. Замечаю резную скамейку слева, краска на ней облупилась от старости и сырости. Под ногами ковер из прошлогодней листвы и мелкого мусора.

— Стойте, госпожа! — Пегги осторожно поднимается к двери. — Ключи-то у меня.

Достает из кармана накидки резкой ключ и наклоняется к увесистому ржавому замку. Наш провожатый подходит сзади и светит ей фонарем.

После нехитрых манипуляций замок все-таки поддается. Пегги нажимает на дверную ручку и толкает дверь.

В нос сразу ударяет запах сырости и затхлости. Дом явно давно не растапливали. Точно! Печь!

— Первым делом нужно найти печь или камин и убедиться, что он исправный, — вздыхаю я. — Иначе ночью дуба дадим.

Пегги оборачивается и смотрит на меня так, будто я выдала сложную для ее понимания и непозволительную для юной девы матерную конструкцию.

Пожимаю бесхитростно плечами и выдаю милую улыбку.

— Дымоход исправен, лично его проверял весной. Топите дом, не беспокойтесь. Держите, госпожа, — седовласый провожатый передает мне свой фонарь. — Пригодится.

— Ох, спасибо! А как же вы доберетесь до дома? — спрашиваю, но фонарь беру.

Он отмахивается.

— Я здесь каждый закуток знаю как свои пять пальцев. А вам он нужнее. Меня, кстати говоря, Верноном звать.

— Очень рада знакомству, Вернон. Вы в деревне за старшего? — уточняю, снимая шляпку, и бросаю ее на пыльный диван.

— Нет, что вы! Я всего лишь небезразличный сосед. В отсутствие вашего батюшки за домом присматривал. Хороший он человек был, много добра для сельчан сделал. Так что, ежели чего - зовите. Мы с внуком всегда готовы помочь. А вот за старейшину у нас господин Хоупс. Он живет за лесом. Да что я болтаю? Завтра все и покажу!

— Благодарю, вы очень любезны, — улыбаюсь и упираю кулачок в талию.

— Чего стоишь? Пойдем скорее, — подхватываю Пегги под локоть.

Она озадаченно хлопает ресницами, но переступает порог. Свечу перед собой фонарем. Старик вытягивает любопытно шею и заглядывает внутрь, но не заходит.

М-да-а. Кажется, что дом пустует не один год. Под ногами мусор и пыль, хотя мебель в хорошем состоянии, и обивка сохранилась. А вот в углах стен чернеет плесень. Одно хорошо - стекла в окнах первого этажа целы.

Сразу оказываемся в просторной гостиной, совмещенной с обеденным залом. Открытое пространство с диваном, столом и камином. Потолки высокие, штукатурка потрескалась и местами свисает хлопьями. На хрустальной люстре болтается паутина.

Отмечаю почти полную дровницу. Чуть дальше находится кухня и дверь на задний двор. В центре первого этажа - лестница на второй этаж. Осмотреться не помешает, места для ночлега внизу на всех не хватит.

Да и на чем? У нас один диван, и тот не внушает особого доверия.

Замечаю протоптанную дорожку по пыльному полу. И ведет она к запертой двери под лестницей. Подхватываю платье и следую по ней. Упираюсь в дверь и дергаю за ручку. Заперто.

Что ж, позже поиграю в юного следопыта и выясню, что за ней. А пока у нас другие заботы.

Прохожу на кухню. Мебель в хорошем состоянии, хоть местами и потрескалась краска. Ерунда же! Ржавая раковина с мудреным смесителем, в углу - грубо сколоченный рукомойник.

Заглядываю в тумбы и полки - утварь всякая и даже посуда имеется. Жить можно. В углу стоит метла. Хватаю ее и возвращаюсь в гостиную.

Прикидываю фронт работы. Надо хотя бы полы подмести.

Пегги подпрыгивает и несется ко мне. Выхватывает метлу.

— Вы чего, госпожа? Я ж сама! А вы отдыхайте с дороги. — зыркает по сторонам и понижает голос до шепота: — И снадобья еще нужно принять....

— Вот еще! — возмущаюсь и забираю у нее метлу. — Выспалась уже, довольно. И никаких снадобий мне не надо! Руки чешутся порядок здесь навести.

Увлеченно сметаю мусор из углов комнаты к центру, снимаю с подоконника паутину. Кучка пыли растет на глазах.

— Вот видишь, Пегги? Я тоже умею подметать! — сгребаю мусор к порогу, ловко орудуя метлой. — А ты лучше наверх сходи да обстановку разведай. Нам неожиданные гости ни к чему.

Пегги бледнеет и прижимает ладони к щекам.

— Г-госпожа...

Широким размахом метлы отправляю мусор за порог дома и слишком поздно осознаю, что он сыплется и покрывает начищенные мужские сапоги. Замираю в оцепенении и медленно поднимаю взгляд.

Вижу силуэт в дверном проеме, окутанный тенями, лишь глаза в темноте светятся. Жутко-то как!

Прирастаю ногами к полу. Сердце ухает в пятки. Что еще за напасть?

Глава 17

Закусываю губу и возвращаю Пегги метлу.

— Ой, мети на здоровье!

Горничная стоит-не шелохнется, сжимая руками метловище. Из ее глаз проглядывает безмолвный ужас. Я пячусь от входа и наблюдаю, как из темноты крыльца выходит мужчина и замирает у порога.

Тусклый свет единственного фонаря очерчивает его лицо с приятными мужественными чертами. Светлые волосы мягкими волнами ниспадают на плечи. Голубые глаза пристально смотрят на меня. Высокий, в черном добротном шерстяном камзоле и синих брюках, заправленных в кожаные сапоги. Бледно-голубая рубашка расстегнута до середины мускулистой груди.

В комнате повисает тишина. Пегги глядит на красавца-гостя и близка к обмороку.

— Ох, простите, конечно. Но незачем было так подкрадываться, — нахожусь я и вскидываю подбородок.

— А я думаю, что за шумиха на всю деревню, — холодно усмехается блондин и переводит взгляд на Пегги. — Кто же вы будете, милые дамы?

Гляжу на него растерянno. К счастью, на выручку приходит наш провожатый Вернон.

Он выныривает из темноты кухни и замирает у лестницы, отряхивая ладони от пыли.

— Э-э-м, господин Хоупс, — взволнованно бормочет и косится на меня. Чудится мне, в его глазах страх светится. — Так к нам же сама госпожа Белинда пожаловала!

Блондин смотрит на меня и сужает лукаво глаза.

— А я-то думаю - лицо знакомое, — говорит, но с места не сдвигается.

Настороженно слежу за незнакомцем. На его лице мелькает тень разочарования.

— Неужели не признали меня? Я же Чарли! Чарли Хоупс. Помню вас еще девчонкой с букетом полевых цветов. Тогда они еще росли здесь....

Моргаю и гляжу то на Пегги, то на Вернона. И издаю нервный смешок. На вид господину Хоупсу около тридцати лет. Может, чуть больше. Что ж, вполне логично, что Белс он помнит еще совсем крошечной.

— Как же! Помню-помню, — вру и не краснею. — Давно дело было.

Недоверчиво смотрит. Хмыкает своим мыслям и оборачивается на звуки с улицы. Пегги тарачится на него, вцепившись в метлу. Вернон растерянno открывает и закрывает рот, почесывая затылок. Какая неловкая сцена, однако.

Чарли снова поворачивается ко мне и хмурится.

— Ну и? Зачем пожаловали, Белинда?

Вот тебе на! Мне и здесь не рады?

Вскидываю надменно подбородок и выхожу вперед.

— Хочу начать здесь новую жизнь, — обвожу рукой комнату. — И восстановить хозяйство отца.

Вскидывает бровь и хмыкает.

— Что ж, не ожидал, честно признаюсь. Но я рад вас видеть. Вот только, — оглядывает мое новое жилище. — Время не пощадило дом. Предстоит много работы. И, если позволите, Белинда, я с удовольствием помогу. Обращайтесь, когда что-то понадобится.

Поспешно киваю и улыбаюсь. Разумеется, помощь нам пригодится.

— Благодарю, господин Хоупс.

С улицы снова доносятся звуки - мужские голоса и шаркающие шаги. Господин Хоупс отступает от порога и пропускает Тима. За ним в доме появляется сундук, а потом уже и Джек.

— Вот так, аккуратно, — кричит Тим, помогая парнишке заносить ношу в дом. — Углы не пошибай. Куда ставить, госпожа?

С улицы доносится лошадиное ржание, скакуны уже привязаны к забору. Сам экипаж стоит на дороге. Быстро же они справились.

— Под лестницу, — отзываюсь и прохожу на кухню. — А где же возница грузового экипажа?

— Он помог выгрузить багаж и тут же отправился в обратный путь, — бесхитростно отвечает Тим. — Сдается мне, он чего-то испугался.

Они с Джеком аккуратно опускают сундук на пол. Выпрямляются и с шумом выдыхают. Тим стаскивает с себя шапку и протирает ею пот со лба.

— Что ж, не буду вам мешать обустраиваться, — тактично произносит господин Хоупс. — Увидимся завтра, Белинда. Нам многое следует обсудить.

— До свидания, гос... — оборачиваюсь и вижу, как Хоупс отступает от крыльца и скрывается в темноте густых сумерек.

Мне померещилось или он правда исчез?

Трясу головой и тру пальцами виски. Привидится же всякое!

Пегги суетится у дивана. Достает из корзины остатки съестного, что в дорогу брала. Замечаю, как Вернон и Джек смотрят на пирожки. Похоже, они голодны. Ох, как неловко.

Но Пегги быстро смекает, что к чему и угощает наших помощников пирожками с повидлом. Тим жует рогалик и запивает молоком из кувшина, передает его парнишке.

Наконец, получается их разглядеть. Вернону на вид лет шестьдесят, седые волосы выглядывают из-под бледно-синей шапки. Лицо морщинистое, глаза серые, улыбочивые.

У Джека россыпь веснушек на носу и щеках. Короткие соломенные волосы торчат в разные стороны. Одеты оба в свободную и выцветшую мешковатую одежду.

— Надо бы огонь разжечь, — говорит Вернон и отправляет в рот остаток пирожка. — Дров немного есть, до завтра хватит.

Вытирает ладони о штаны и направляется к камину.

Пока мужчины заняты, а Пегги ловко орудует метлой, я нахожу на кухне еще один фонарь. Не без труда поджигаю его и подхожу к лестнице. Смотрю вверх, вздыхаю и собираю всю волю в кулак. Ну, любительница ужасиков? Надо бы набраться мужества и осмотреть второй этаж.

Держу перед собой фонарь и осторожно поднимаюсь по ступеням. Доски поскрипывают и прогибаются подо мной. Впереди чернеет овальная арка, но свет фонаря разгоняет густые тени. Ступаю на второй этаж, держась одной рукой за шершавые перила. Пахнет пылью и сырým домом. Ох, страшно, но жуть как любопытно. Что же у нас здесь?

Поворачиваюсь и освещаю фонарём небольшую проходную комнату с двумя креслами и столом. Окно зашторено. Слева книжные полки и две двери. Справа тоже дверь, а рядом с ней лестница на чердак.

Двигаюсь направо и мягко толкаю ладонью первую дверь. Она не сразу поддается, приходится приложить усилия и помочь ей плечом. Поскрипывая, открывается. Удрученно вздыхаю при виде грязной и ржавой ванны и такой же раковины, зеркала не видно за толстым слоем пыли и паутины. Что ж, она хотя бы какая-то имеется, а дальше разберемся.

Иду к соседней двери. За ней небольшая спальня с кроватью у стены. В тусклом свете фонаря сложно разглядеть, в каком она состоянии.

Прохожу мимо кровати к окну. Отдвигаю занавеску. Внизу сад с голыми кривыми яблонями. Когда они зацветут вид будет сказочный, а пока навеивает жути.

Передергиваю плечами и возвращаюсь в проходную комнату. Что же за второй дверью?

Оказывается, ещё одна спальня. Замечательно. А как насчет чердака?

Кусаю взволнованно губу и смотрю на лестницу с опаской. Меня же никто не съел до сих пор и привидений не видать, так чего раздумываю?

Решаюсь подняться на третий этаж. Ступени такие же скрипучие, но меня это не останавливает. А вот доносящийся шум настораживает.

Скрип и тихий грохот, сопровождаемые завыванием ветра, вызывают ледяные мурашки. Зубы сводит от скрежета, похожего на звук, с которым когтями водят по стеклу. Сердце испуганно колотится о ребра.

Глубоко вдыхаю и спрашиваю, толкая осторожно дверь:

— Кто здесь?

Глава 18

В ответ ветер завывает еще сильнее, разгоняет пыль и прошлогодние листья по полу и бросает их к моим ногам.

Смотрю на них и медленно поднимаю взгляд. Белые, вязанные крючком занавески раздуваются парусами, оконная рама жалобно скрипит, открываясь и закрываясь от порывов ветра.

Фууххх! Всего лишь сквозняк!

Поднимаюсь и поворачиваюсь, стоя на месте. Да тут целая жилая комната с балконом!

В прошлой жизни я и помыслить о таком доме не могла. В тесной однушке пределом мечтаний была двухкомнатная квартира с отдельным санузлом в новостройке, на которую с муженьком откладывали деньги. Теперь-то он будет в ней жить-поживать с любовницей, а я обустраиваться в новом мире.

Под скошенной мансардной крышей стоит диванчик и тумба. Полки со склянками и пучки сухой травы в паутине. Прохожу к балконной двери и смотрю сквозь стекло. Какой вид невероятный! Багровый закат утопает в черноте лесов. Сад, поле, домики деревушки и...

Что это за огни вдалеке?

Похоже на большой дом, который возвышается над зарослями садов и крышами покосившихся сараюшек. В окнах горит свет.

— Госпожа, высоко же вы забрались, — бормочет Пегги и поднимается ко мне.

— Я нашла спальню, даже две, — сообщаю ей, довольная собой. — Так что нам есть, на чем спать. Ну не прелесть ли, Пегги? — оборачиваюсь к ней и подхватываю за руку.

Увлекаю к окну и показываю развернувшийся пейзаж.

Кривые ветви яблонь, похожие на когтистые руки чудищ, тянутся к небу, повсюду сухой и валежник. Между стволов деревьев стелется серо-голубой туман. Над чернеющими крышами покосившихся домов летают вороны и зловеще каркают.

Для полноты картины не хватает волчьего воя.

— Посмотри, как красиво! — восклицаю я и широко улыбаюсь, уже фантазируя, как развернусь здесь и облагорожу пространство перед домом.

Качели! У нас непременно должны быть качели! И беседка.

Горничная морщит лоб и явно не разделяет моего восторга. У нее даже глаз дергается.

Жутковато, не спорю. Но это не беда. В начале весны всегда так.

Вздыхаю и закрываю глаза. Моя улыбка скисает.

— Не господский дом, но мы обустроимся не хуже, я тебе гарантирую. Воды в доме нет, но и это не беда.

— Кстати о воде, — тараторит Пегги, заметно оживая, и тащит меня за руку к лестнице. — Вернон сказал, что в доме имелся водопровод, но сейчас воды в доме нет. Мы же исправим это?

— Обязательно, — уверяю я и спускаюсь за горничной, держа фонарь на вытянутой руке.

— А еще он хочет показать, как растапливать печь на кухне, — продолжает Пегги.

Мы спускаемся на первый этаж в тот момент, когда Тим и Джек заносят в дом еще один сундук, но меньше размером.

— Не припомню, чтобы мы столько вещей брали, — удивляюсь я.

Пегги смущенно сцепляет руки на животе.

— Ой, госпожа! Это же я провизию прихватила. Кухарка помогла мне собрать. Уверена, господин даже не заметит.

Смотрю на нее с уважением и усмехаюсь.

— Господин любовью сыт, переживет, — и, вскинув гордо подбородок, плыву на кухню, заметая подолом платья пыль.

От собственных слов сердце вздрагивает. Останавливаюсь и прикладываю ладонь к груди. Чувства прежней Белинды проснулись. Влюбленная ты дурочка, Белс! Из-за муженька ты здесь и оказалась! Он предал тебя и фактически выставил из дома, так что мы не будем о нем вспоминать, и уж тем более горевать.

— С вами все хорошо, госпожа? — спохватывается Пегги и подбегает ко мне. Приобнимает за талию и заглядывает тревожно в лицо. — Может, отдохнете? И снадобья...

Морщусь и отталкиваю ее руку.

— Я в полном порядке и не нуждаюсь в снадобьях. Впервые за долгое время чувствую себя просто великолепно! Так что нечего панику наводить. Пойдем лучше на печь взглянем.

Такой необычной печи-плиты я не видела никогда. Снизу располагаются несколько разноразмерных окошек для выпечки и одно большое для растопки. На поверхности печи что-то вроде газовых конфорок и даже вытяжка имеется.

— Закидываете дрова и закрываете дверцу. Открываете заслонку здесь, — указывает Вернон на “конфорку”, — и здесь, чтобы тяга была, — показывает на дымоход-вытяжку.

Кряхтит, наглядно демонстрируя последовательность действий.

— Ох, Вернон, что бы мы без вас делали! — говорю я с благодарностью в голосе.

— Ерунда, госпожа, — отмахивается мужичок. — Мне не сложно.

И косится в распахнутую дверь.

— Пора бы мне и честь знать. Окончательно стемнело, — и, качая головой, торопливо направляется к выходу, увлекая за собой Джека. — Лошадей на задний дворе отведем, в сарае закроем на ночь. Дальше разберетесь, поди, и без нас.

— Еще раз спасибо! Доброй ночи, Вернон, — прощаюсь я.

Они уходят и закрывают за собой дверь. И вдруг снова открывают. В зазор просовывается голова пожилого соседа.

— На ночь запритесь как следует, и окна проверьте, — наставляет Вернон, чем настораживает всех нас. — Ну, до завтра!

На этот раз окончательно уходит. А мы стоим в тишине и переглядываемся.

Он же не запугивает нас? Всего лишь посоветовал запереться, чтобы сквозняков не было?

Не сговариваясь, Тим и Пегги бросаются к двери.

Глава 19

Пока они возятся с заржавевшей задвижкой, я осматриваюсь на кухне. Что же делать с провизией? Надо же куда-то убирать, а про холодильник здесь и понятия не имеют.

Прохожусь от стены до стены и осматриваю шкафы. Полки - это чудесно, но нам нужен... погреб!

Оглядываю пол и пинаю носком туфельки пыльный полосатый серо-красный палас. Кажется, под ним что-то есть. Наклоняюсь и сдвигаю краешек. Какое везенье! Нахожу квадратную дверцу с кольцом вместо ручки. Наверняка это то, что нужно!

Погреб глубокий и вместительный. Обшитый досками изнутри и на удивление чистый, с множеством полок и ящиков для хранения урожая.

До глубокой ночи переносим в него запасы продуктов. Пегги, умничка, даже немного картофеля прихватила! Крупы, сахар, чай, немного овощей на первое время, целая тушка куриц, завернутая в пергамент, мука, бутылъ растительного масла, головка сыра и консервы. Пегги и специи не поленилась взять в дорогу.

К тому времени, когда мы заканчиваем, дом уже хорошо прогрелся. Тим только и успевает дрова подкидывать в камин.

— Госпожа, с вашего позволения я останусь ночевать на диване, — бухтит мужчина, опускаясь на упомянутый предмет мебели. Ерзает на нем, за что тот “благодарит” его жалобным скрипом. Разворачивает подушку и взбивает ее.

— Конечно, Тим, — широко зеваю и направляюсь к лестнице на второй этаж. — Так ты с нами остаешься?

Мужчина мнет в руках тонкий плед, в который была замотана золотистая подушка. И поднимает на меня усталые глаза.

— Господин велел помочь вам здесь устроиться, а после возвращаться, — с извиняющейся ноткой произносит и пожимает плечами. — Я бы и рад остаться, — и косится на Пегги, которая игнорирует его взгляд и, гордо вскинув голову, поднимается по скрипучим ступеням в спальню.

Какой заботливый муженек! И на том спасибо. А между Тимом и Пегги явно воздух искрит. Ох, какие страсти!

— Что ж, велел - значит, надо, — вздыхаю и направляюсь за горничной. — Доброй ночи, Тим.

Занимаю спальню слева и валюсь на кровать без сил. Даже раздеться не потрудились. Под мерный скрип оконной рамы и шум ветра за окном моментально проваливаюсь в сон.

А просыпаюсь от ощущения, будто кто-то прижался ко мне сзади.

По плечам ползут ледяные мурашки. Распахиваю глаза - за окном уже светает. Небо серое, будто застывшее между светом и тьмой. Вот-вот эту мрачную серость разгонят солнечные лучи.

Осторожно отодвигаюсь и приподнимаюсь на локте. Смотрю через плечо и вижу... спящую Пегги. Но она чувствует мой взгляд, ее ресницы вздрагивают, и веки поднимаются. Секунду глядит на меня и подсказывает.

— Ой, простите, госпожа! — частит виновато горничная. — Страшно мне спать одной в этом доме. Вот я и пристроилась к вам, вместе теплее!

Киваю и отворачиваюсь к окну. Сладко потягиваюсь. Давно так не высыпалась! Голова ясная, чувствую себя бодрой и полной сил, хотя в мышцах тела ощущается некоторая скованность.

— На новом месте всегда тревожно засыпать. Но надо что-то делать с кроватями, — хлопаю ладонью по матрасу. От старости и сырости на нем образовались ямки и вмятины. — На этом дальше спать невозможно.

И в подтверждение моих слов откуда-то из недр матраса выпрыгивает то ли крыса, то ли мышь и юркает в щель в стене. Благо, Пегги не замечает, но, очевидно слышит - ее лицо бледнеет, глаза увеличиваются в размерах.

Я качаю головой и усмехаюсь.

— А ты как думала в деревне жить? Это тебе не господский дом в центре города. Поднимайся, дела сами себя не переделают. Сегодня нас ждут великие свершения!

К тому моменту, когда мы спускаемся, Тим уже поднялся и ушел проверить лошадей. Успеваем переодеться в более простую и теплую одежду. Пегги помогает мне собрать волосы под белую косынку, сама обходится цветастым платком.

В рукомойнике воды нет, а водопровод не работает. Благо, Тим возвращается с двумя полными ведрами.

— Нашел за домом колодец, — сообщает нам и ставит их рядом с рукомойником.

Хорошие новости одна за другой! Хлопаю радостно в ладоши, а вот Пегги удрученно смотрит то на ведра, то на рукомойник, который еще отмыть надо.

Чем мы и занимаемся последующий час. А Тим уходит исследовать постройки.

От меня не ускользает его понурый вид и мешки под глазами. Похоже, спал он хуже нас.

Наконец, когда рукомойник сверкает от чистоты, можно и умыться.

Утро проходит в хлопотах. Отмываем утварь и кастрюли, находим чайник и кипятим в нем воду. Тим только и успевает нам ведра приносить.

Готовим нехитрый завтрак, состоящий из чая и ломтиков хлеба с консервированной ветчиной. Ах, как мне нравятся эти чудесные баночки с ключиком, на который крышка накручивается! В своем мире я таких не встречала.

Перекусываем и снова беремся за дело. Пегги хватается за метлу, сгребает пыль и мусор, снимает с углов паутину. А я решаюсь выйти на улицу и осмотреться. Интересно же!

Выхожу на крыльцо и с наслаждением вдыхаю еще прохладный весенний воздух. Слышно, как Тим собирает прошлогоднюю траву - нашел-таки грабли в одном из сараев.

Спускаюсь и заворачиваю за дом, но замечаю на дороге людей. В нашу сторону уверенно движется толпа жителей. Кто с чем - с лопатами, косами, граблями и топорами. Вспышка панического страха обжигает грудь.

Что бы это значило?

Глава 20

Набираюсь смелости и выхожу им навстречу. Какие-то все угрюмые, при дневном свете кажутся болезненно бледными.

— Госпожа Белинда! — от толпы отделяется знакомый уже Вернон и машет мне рукой.
— Я вам помощников привел!

А-а-а, вот оно что! Совсем другое дело!

Моргаю и удивленно улыбаюсь. Обвожу толпу жителей взглядом и пожимаю плечами, прикидывая, чем бы их занять. Столько всего нужно сделать, что глаза разбегаются.

— Даже не знаю, что сказать, Вернон. Если вас не затруднит, то нужно прибраться во дворе, расчистить сад и пустующие земли под посадку. Тиму требуется помощь в сарае. Не хотелось бы вас всех обременять....

Вернон отмахивается и хмурится.

— Вам не хватает рук, а у нас их, к счастью, полно. Не тревожьтесь, госпожа! Сейчас я всем задания выдам, а вы займитесь домашними делами, — разворачивается к людям, мужчинам и женщинам. Даже дети пришли! — Так, подходите ближе....

Оставляю их и возвращаюсь в дом. Пегги прилипла к окну и таращится на происходящее.

— Что же это делается, госпожа?

— С помощью селян мы быстрее разгребем бардак во дворе, — задумчиво прохожу на кухню и складываю руки на груди. — Вот только придется с ними чем-то расплачиваться. Не хочу пользоваться добротой людей. Ты умеешь печь пироги с капустой, Пегги? У нас несколько огромных качанов в погребе, хватит на всю деревню.

— А вы думали, что я только метлой махать могу? — оскорбляется горничная и идет ко мне с высоко поднятой головой. — Представьте себе, не только с капустой, но и с повидлом, мясом и творогом умею!

— Ты ж моя хозяйшечка! — умиляюсь я и поглаживаю ее по плечу. — В таком случае, назначаю тебя сегодня главной по кухне, а я пока займусь нашими спальнями.

Пегги вытаращивает глаза и косится на печь.

— Вот только... Я боюсь ее разжигать.

Я смеюсь и отмахиваюсь от нее.

— А чего там уметь-то? Сейчас разожжем печь, тоже мне проблема.

После нескольких неудачных попыток, стою над печью и заглядываю в конфорки.

— Да что не так-то? Я же все правильно делаю.

— А давайте Вернона позовем? — умоляет Пегги, переминаясь рядом с ноги на ногу.

— Нет! Вернона всегда можно позвать, но я хочу сама разобраться, — ворчу я и снова берусь за спички. — Попробую еще раз. Мы просто обязаны научиться все делать самостоятельно и не зависеть от мужчин.

Чиркаю спичкой о коробок и бросаю ее в окошко печи. Пламя перебрасывается на сухую щепу и клочки пергамента. Открываю заслонку конфорки, заслонку вытяжки, но пламя не поднимается.

— Ерунда какая-то, — бурчу себе под нос и наклоняюсь над конфоркой. Волосы из-под косынки лезут в глаза, сдуваю их.

Конфорка загорается. Пахнет паленым. Принохиваюсь и выпрямляюсь.

— Чуешь? Воняет чем-то.

Пегги таращилась на меня круглыми глазами.

— Госпожа-а! — визжит девица. — Госпожа!

Морщусь от громкого крика и снова веду носом. Вот же ж! Волосы подпалила.

— Ваши волосы, госпожа-а!

— И что с того? Стрижка-вспышка. Не слыхала о такой что ли? — глупо хихикаю и заправляю опаленную прядку под косынку. — Волосы - не зубы, отрастут. А теперь принимай работу. Кухня в твоём распоряжении.

Горничная смотрит на с плохо скрываемым потрясением. Мои выходки и словечки вызывают у нее шок. Совсем я расслабилась и забыла про осторожность. Внимательнее надо быть.

Пора заняться матрасами. Оставляю Пегги заниматься готовкой, а сама поднимаюсь на второй этаж. При свете дня оглядываю спальню и замечаю следы на полу от старой мебели. Когда-то здесь делали перестановку.

Что ж, матрас. Видавший виды, неприглядный. И как же его подлатать? Обхожу кровать и присаживаюсь на нее напротив окна. Солнце поднимается над деревней, щебечут птицы, ветер гуляет среди ветвей. Тишина и безмятежность. Чем не райский уголок?

Чем дольше я здесь, тем реже вспоминаю о прошлой жизни и предателе-муженьке. Ах, у меня таких двое теперь! И все уже к рукам прибраны и не моя забота. Меня беспокоит лишь Воронья Тень. Я чувствую, что рождена для этой деревушки. Она - мое место силы. Ха-ха! А почему бы нет? Я же будто заново родилась, а в качестве испытания получила его. И я справлюсь с этой миссией, никаких сомнений.

Вдохновленная оптимистичными мыслями, берусь за починку матраса. Вот что с ним делать? Когда-то в деревнях спали на соломе, и ничего! И мы поспим.

Приходится звать на помощь Тима. Не разводить же грязь в спальне? Мой помощник выносит матрас во двор, а пока я аккуратно распускаю старую ткань матраса и извлекаю старую солому, находит необходимое количество более свежей. Женщина по имени Сара присоединяется к работе.

Я ненавязчиво разглядываю ее. Худенькая, с русыми волосами, спрятанными под платком. лицо осунувшееся, а серые глаза горят энтузиазмом. Ловко орудует тонкими пальцами, распределяя по матрасу солому.

— Не представляю, что бы я без вас делала, — затеваю разговор.

Сара скромно улыбается и прячет взгляд.

— Ой, что вы, госпожа. Нам в радость вернуть к жизни дом вашего батюшки. В детстве мне казалось, что он живет в замке, — смеется и косится на меня. — Настолько здесь было красиво.

Хочется расспросить про отца, но боязно. Надо как-то аккуратно подойти к теме и не вызвать подозрений.

— Жаль, что мне не довелось бывать тут чаще. Я и не думала, что дом в таком состоянии, — бережно начинаю матрас соломой. Пальцы уже красные - у Белс ручки нежные. — Расскажите-ка мне про хворь, мучающую деревню. Какие у нее симптомы?

Сара вяло пожимает плечами и мрачнеет. Смотрит на свои руки невидящим взглядом.

— Сначала люди испытывают слабость и головную боль, случались даже обмороки. Кожа становится бледная, — морщится, подбирая слова. — Матушка моя и без того была худой, а когда захворала и вовсе кожа да кости остались. Таяла на глазах, пока во сне не умерла.

Сара тяжело вздыхает и клонится к матрасу, пряча блестящие от слез глаза.

Чувствую себя безжалостной. Взяла и разбредила рану на сердце у бедняжки.

Протягиваю руку и мягко глажу ее по плечу.

— Я постараюсь. Нет! Я сделаю все возможное, чтобы больше никто не заболел в Вороньей Тени. Но мне нужно больше информации, Сара.

Она понимающе кивает и шмыгает носом. А потом выпрямляется и смотрит на меня ясными глазами.

— Боюсь, хворь не отступит, госпожа. Она ведь не одна пришла. Деревня чахнет, еще немного, и мы вымрем от голода. Земля наша сама нас и убивает потихоньку. Вы посмотрите

на нее, — Сара разводит руками. — Почва серая, бесплодная. словно пыль дорожная, и ничего в ней не растет.

Против воли осматриваюсь, позабыв про матрас. И правда, земля сухая. Я еще в лесу заметила, что травы нет. Подумала еще - неужели мы куда-то на север приехали?

Но и это можно исправить, я уверена! Работы предстоит море, а меня трудом не напугать. Как и местных жителей. Они на все готовы ради благополучия своей деревни. Ради собственных жизней. И я уважать себя перестану, если не помогу им.

А хворь, будь она неладна, сильно уж смахивает на истощение и авитаминоз. Питаются сельчане, судя по всему, нерегулярно и тем, что подвернется. Аж мурашки по коже бегут. Ничего! Скоро трава и растения заколосятся, пригретые ласковым весенним солнышком. А уж сборы для повышения иммунитета я по памяти с закрытыми глазами соберу. С чего-то нужно начинать.

За работой забываю про время, а когда заканчиваем с Сарой - с первого этажа уже разносится аппетитный запах пирогов и слышатся голоса людей. Поднимаю голову и смотрю вокруг.

День клонится к вечеру. Над верхушками деревьев летают вороны и зловеще каркают. Сара оглядывается и подскакивает, как ужаленная. Помогает собрать рассыпавшуюся солому с земли.

Потягиваюсь, разминая затекшую спину.

Жители толпятся перед домом, Пегги стоит в центре с большим блюдом пирогов. Вернона замечаю на крыльце и тороплюсь к нему. Выхожу и прирастаю ногами к полу. Как же двор преобразился! Даже прошлогодней листвы не осталось на земле.

— На сегодня мы закончили, госпожа, — сообщает сердобольный сосед мне с ходу скрипучим голосом, комкая шапку в руках. — Завтра займемся ремонтом бани.

— Вы и так много сделали для нас, Вернон. Не знаю, как отблагодарить вас.

— Нам не сложно, не волнуйтесь, — отмахивается. — Народ радуется вашему возвращению, вы вселяете в их сердца надежду.

— Надежду? — недоумеваю я и прижимаю ладони к груди.

Старик устало улыбается и качает головой.

— Давно в наших краях ничего не менялось, люди отчаялись. Кто мог - унес ноги, остались только те, кому деваться некуда. Вот хворь потихоньку нас и забирает. Если бы не господин Хоупс, мы бы давно уже вымерли.

Подхожу ближе и присаживаюсь на перила крыльца. Они покачиваются подо мной, но все же кажутся устойчивыми.

— Он помогает жителям? А как?

— Да как может, госпожа. В особенности продуктами. Не много, конечно, но нам хватает. Хватает, чтобы с голоду не подохнуть - мелькает в голове. Да уж.

— А сам-то как выживает? — подозрительно шурю, всматриваясь в лицо пожилого мужчины.

— О, у него с урожаем проблем нет. Каждую осень полные погреба, — в его голосе угадывается недовольная нотка.

— Как интересно, — протягиваю и постукиваю указательным пальцем по подбородку. — Что же получается, его земли гниль не затронула?

— Получается, что нет, — разводит руками и вздыхает. — Но он и живет за чертой нашей деревни. Там, за небольшим лесом. Как будет у вас время - покажу вам здесь все.

Слежу за жестом Вернона и понимающе киваю. Выходит, я вчера видела из окна огни дома господина Хоупса.

— А что из овощных культур у вас приживается?

Смотрит на меня, морща лоб.

— В основном кукуруза, — пожимает плечами и смотрит вдаль, вздыхая. — Морковь и свекла хилые, про картошку и вовсе молчу.

— А что с травами?

— Ох, не знаю, госпожа. Для меня она вся сорняк.

Улыбаюсь и открываю рот, собираясь задать еще вопрос. Со стороны дороги доносится стук колес и цокот копыт. Люди начинают крутить головами и откланиваться. Привстаю с перил и вытягиваю шею, но ничего не удастся разглядеть.

— А вот и сам господин Хоупс, — Вернон подсакивает и спускается вперевалку с крыльца. — Провизию привез.

Подачку - ворчу про себя и следую за мужчиной, придерживая платье. Выхожу на дорогу и ставлю ладонь козырьком ко лбу.

В лучах закатного солнца вижу лошадь, тянущую телегу. За поводьями сидит господин Хоупс.

На нем темно-синий камзол с черной вышивкой, черные брюки заправлены в высокие сапоги. Светлые волосы зачесаны назад. Одаривая жителей теплой улыбкой, Чарли спрыгивает и снимает с телеги ящики. Ставит прямо на землю.

Замечаю в них свеклу, морковь, картофель, буханки хлеба. Люди хватают, сколько успевают. Отвешивают благодетелю поклоны до земли и расходятся по домам.

Старушки чуть ли не руки ему целуют.

Каков молодец! Помогает людям, вон как улыбается им тепло в ответ, руки пожимает. Как будто свой в доску, только живет не впроголодь и одет не бедно.

Но, кажется, кроме меня это больше никого не смущает.

И тут Чарли замечает меня и направляется к дому. Деваться уже некуда, потому приветствую его улыбкой. На крыльцо не поднимается - облокачивается рукой на перила и смотрит на меня пронзительными голубыми глазами снизу вверх.

— Добрый вечер, Белинда. Вижу, работа кипит?

— И вам здравствуйте, — вежливо откликаюсь. — Да, повезло нам с помощниками.

Господин Хоупс отводит взгляд и смотрит вдаль, кивая.

— Не желаете прогуляться?

— Ох, я с радостью, — охотно спускаюсь с крыльца.

Чарли грациозно отлипает от перил и движется неспешным шагом в сторону дороги. Семеню за ним, оглядываясь на расходящихся жителей.

— Не ожидала, что меня здесь так тепло встретят, — откровенничаю и смотрю по сторонам. Между ветхими домиками гуляют куры. Мальчик и девочка приблизительно восьми лет загоняют их хворостиной в сарай. Где-то мычит корова, лает собака, но громче всех каркают вороны, кружащие над улицей. Будто стервятники в ожидании легкой добычи.

— Сельчане у нас отзывчивые и доверчивые, это правда, — вздыхая, выдает Чарли. И останавливается. — Напрасно вы сюда приехали, Белинда.

Улавливаю суровую нотку в его голосе. Резко оборачиваюсь и сбавляю шаг, смотрю на холодный аристократический профиль господина Хоупса.

— Это еще почему?

Глава 21

Чарли смотрит на горизонт, в его глазах отражается багровое зарево заката. Таинственно и пугающе одновременно.

— Здесь нет ничего, что могло бы привлечь такую девушку, как вы, Белинда. Из чего я делаю вывод - вы приехали сюда не по своей воле. Давайте не будем притворяться, будто вам захотелось возродить деревню из пепла, — он пренебрежительно морщится и, наконец, достаивает меня взглядом. — Выглядит как минимум подозрительно.

— Как быстро вы изучили меня, Чарли, — сохраняя самообладание, возражаю я. — Когда только успели?

Чарли хмурится и разворачивается ко мне лицом.

— Все-таки не помните, — заключает он и кивает своим мыслям. — А ведь когда-то я к вам сватался, но ваш батюшка дал категорический отказ. А после сразу увез вас отсюда в город. Потом до меня дошли слухи, что вы замуж вышли, Белинда.

Стоп! Что?

Надеюсь, он не увидел, как я челюсть уронила?! Самообладания едва хватает, чтобы эмоции сдержать.

Вот так поворот!

Чарли снова идет по дороге и смотрит себе под ноги, а я еще слегка в ступоре стою. Да и как не опешить после таких новостей? А Белинда могла бы мне хоть чуточку намекнуть каким-нибудь воспоминанием! Но нет, самой придется разбираться.

Отхожу от шока и догоняю Чарли. И как теперь вести себя с ним? Мне только бывших женихов здесь не хватало для полного счастья!

— Прошу прощения, — смущаюсь и смотрю в даль. — После смерти батюшки я приболела и принимала различные снадобья, прописанные лекарем. Из-за них голова до сих пор дурная.

Чарли поворачивается и примирительно поднимает руки.

— Вы неправильно меня поняли. Я ни в чем вас не упрекаю и не держу зла, Белинда. Что было, то прошло. Всего лишь недоумеваю. Вы ворвались в привычный мрачный ритм жизни деревни, чем вселили в людей надежду на возрождение. Они вас чуть ли не обожествляют уже. До гибели вашей матушки и вашего рождения земли были плодородными, сады благоухали, в прудах плескалась рыба, а потом все резко переменилось. За считанные годы. Потому ваше появление они считают знаком. Я искренне сопереживаю местным, помогаю как могу, но морочить им головы не позволю.

— С чего вы взяли, будто я им головы морочу? — сержусь я и скрещиваю руки на груди. Смотрю в упор на Чарли и изгибаю вопросительно бровь. Ишь какой прозорливый нашелся!

Он медленно опускает руки. Губы растягиваются в снисходительной улыбке, но до глаз она не доходит.

— В вашей жизни что-то произошло, и когда проблемы разрешатся - вы вернетесь обратно в город, в тепло и уют, в безбедную жизнь. А люди останутся. И это, между прочим, послужит для них ударом.

— Между прочим, я не планирую возвращаться туда, откуда приехала, — твердо говорю и опускаю подбородок. — И явилась я с самыми серьезными намерениями. Раз пообещала им помочь, значит, сделаю. Всегда слово держу, господин Хоупс.

Он смотрит на меня несколько секунд и испускает вздох облегчения.

— Рад слышать. Не держите на меня зла, Белинда. Поверьте, я обеспокоен судьбой деревни, только и всего. И буду счастлив, если мы объединим усилия. Раз уж вы намерены остаться.

Склоняю голову к плечу, всматриваясь в его смягчившееся лицо.

— Что ж, можно попробовать. Но для начала я хотела бы во всем разобраться, с вашего позволения.

— Конечно-конечно, — слегка склоняет голову и прикладывает ладонь к груди. — Можете обращаться ко мне. Полагаю, вам еще необходима помощь с благоустройством дома? Говорите, не стесняйтесь.

— Раз так настаиваете, — протягиваю я и выпрямляюсь, немного смутившись.

Похоже, он действительно озабочен судьбой деревни. Что ж я такая недоверчивая к лицам мужского пола? Ха! Дайте-ка подумать!

Но как бы мне не хотелось обращаться к посторонним, а кое-что сама я не осилю.

— Нам бы пару вместительных и надежных бочек, господин Хоупс. Я бы попросила сколотить кого-нибудь из жителей, но сильно сомневаюсь, что у них найдется все необходимое.

Брови Чарли ползут на лоб, но он справляется с эмоциями и небрежно пожимает плечами.

— Что вы, это не проблема. Я достану для вас бочки. Может, что-нибудь еще?

Задумываюсь над его словами. Разумеется, нужно починить водопровод, но приглашать в дом малознакомого мужчину - верх неприличия. Да и остерегаюсь его звать. Мало ли что подумают - он, люди, Пегги. Повременим с водопроводом, в корыте ополоснемся.

— Да! Корыто! — восклицаю я и тут же хмурюсь.

Чего разошлась? Скромнее надо быть, Белс. Скромнее.

И снова на лице Чарли полнейшее недоумение. Наверняка начинает считать меня чокнутой. Приехала из города в разруху, бочек просит. И корыто-о! Променяла комфорт на полевые условия.

Да, у каждого свои причуды. Что с того?

— Что ж, не вижу затруднений. Будет вам и корыто, госпожа Олсен, — изображает шуточный поклон, чем вызывает у меня улыбку. — Ради такой улыбки можно на многое пойти.

Чувствую, как щеки горечь начинают. Продолжаю улыбаться и хлопать ресницами. Что это было сейчас, а?

Вздыхаю и отвожу взгляд. Жители разошлись, на улице никого нет, кроме нас. В домах загораются тусклые окошки, из труб тянется дымок. Пора бы и мне домой.

Вороны терзают верхушки деревьев. От их криков мороз по коже бежит. Передергиваю плечами и смотрю в черноту леса.

— Вчера мне показалось, что я слышу в лесу волчий вой, — вслух рассуждаю и неосознанно выискиваю среди голых деревьев движение.

— Да? Как странно, — протягивает Чарли и хмурится. Жестом указывает мне на мой дом. — Давно не показывались. Думал, перебрались подальше отсюда. Поживиться им здесь нечем. Вороны да крысы.

Киваю и шагаю по дороге. Через окно видно, как Пегги суетится у печи, а Тим складывает дрова в дровницу. На душе сразу так тепло становится.

— Что ж ,благодарю вас, господин Хоупс. Приятно было поболтать, — поднимаюсь на крыльцо, придерживая подол платья. Боюсь споткнуться и растянуться на глазах у Чарли, смотрю под ноги.

— Чарли, — тихо говорит он, застыв в тени деревьев. — Зовите меня Чарли.

— Хорошо, Чарли,— усмехаюсь я и подхожу к двери. Разворачиваюсь к нему, чтобы попрощаться, и замираю с открытым ртом.

А Чарли-то и след простыл.

Глава 22

Новый день пробивается в окно ласковыми лучами солнца. Открываю нехотя глаза и несколько секунд смотрю на безоблачное небо. Надо бы стекла помыть.

Как же тепло спать на соломенном матрасе! Даже жарко, фух. Еще бы не кололся, вообще сказка была бы.

Чувствую шевеление сзади. Пегги просыпается и потягивается. Так и не согласилась она спать отдельно. Ничего! И ее комнату обустроим.

После завтрака, состоящего из подогретых вчерашних пирожков с капустой и чая, выхожу на крыльцо. С внутреннего двора доносится бодрый стук молотка и звуки ножовки. Помощники уже пришли и всюю занимаются восстановлением бани.

Спускаюсь по прогибающимся ступеням и сворачиваю в сад. Под ногами шелестит прошлогодняя трава. Стройные ряды яблонь уходят вдаль, насколько хватает зрения.

Приставляю ладонь козырьком ко лбу и осматриваю посадки. Кривые черные ветви яблонь тянутся к небу, будто просят солнечного тепла. Ох, как же здесь будет красиво, когда деревья зацветут!

А зацветут ли? Подхожу ближе и провожу ладонью по шершавой коре яблонек, покрытых лишайником. Болели они, вот и перестали плодоносить. Вон, сколько веточек сухих!

Ласково похлопываю по стволам и вздыхаю. Как бы их вылечить? Как вернуть жизнь?

Придерживаю подол платья, чтобы не цеплялся за сухую траву и валежник, пробираюсь в глубь сада. Издалека замечаю ряды низких кустов с тонкими сухими ветвями. На смородину похожи.

Опускаюсь рядом на колени и осматриваю ветви, пропускаю их между пальцами. И эти погибли. Жаль, ведь их здесь столько, что можно было всю деревню повидлом обеспечить. Или джемом. Ух, какой я джем умею варить из красной смородины! Прозрачный, рубиновый, пальчики оближешь!

На душе становится тоскливо. В этом мире не найти энциклопедий и не зайти в интернет, а местные наверняка все перепробовали, спасая свои сады. Как мне возродить растения?

Неужели я беспомощна и бесполезна? Нет, рановато унывать. Но что же делать?

От нахлынувшего отчаяния на глаза наворачиваются слезы. Бегут по щекам, а я их смахиваю тыльной стороной ладони. Развела сырость на пустом месте!

Ох, Белинда! Безвольный ты нытик. Всю жизнь боялась перемен и слово поперек сказать, а теперь... Теперь я за главную. И нечего мне настроение портить своими эмоциями. Уж я перемен больше не боюсь! После всего, что со мной произошло.

Так легко не сдамся!

Как моя бабушка делала, а? Белила стволы, срезала сильно пораженные ветви, соскребала щеткой наросты и... что-то еще. А вот что именно? Все-таки поспрашиваю у местных. Еще не все потеряно!

Поднимаюсь с земли и бреду к дому. Как здесь хорошо! Сейчас бы коврик расстелить и йогой позаниматься. Но местные увидят да на костре сожгут. К тому же, во дворе полно йоги. Взять хотя бы этот сад или мытье окон.

Точно. Я же собиралась и забыла.

Прибавляю шаг и тороплюсь к дому. Благо, тряпок полно в кладовке. Нагрею воды и перемою все окна в доме, чтобы сверкали и пропускали больше света.

На крыльце сидит Тим, повесив голову и подпирая ее руками. Слегка покачивается из стороны в сторону. Вспышка тревоги подстегивает пульс биться быстрее. И меня заставляет почти бежать.

Подхожу к парню и присаживаюсь рядом на ступеньку.

— Что случилось? Тим?

— Дурно мне здесь, госпожа, — отвечает заплетающимся языком. — Голова трещит, по ночам муть всякая видится. Встаю разбитый, будто и не спал вовсе.

— Ох-х, — тяжело вздыхаю и нервно покусываю губу. Щупаю ладонью его лоб. Холодный и влажный от испарины.

Кажется, дела наши не очень. Не хватало еще хворь подхватить бедолаге. Вспоминаю про пучки травы на чердаке.

— Сиди здесь, а я попробую тебе помочь, — поднимаюсь и забегаю в дом.

Кошусь на дверь под лестницей. А, сейчас не до нее!

На чердаке терпко пахнет травами и сеном. Осматриваю пучки, перебираю пальцами, а они рассыпаются. Что у нас здесь? Ромашка, розмарин, шалфей, зверобой.... Полезные травы. Снимаю с крючков и с охапкой сбегая на первый этаж. Заварим Тиму, авось полегчает.

Сворачиваю в кухню, взгляд цепляется за подушку в золотистой наволочке, лежащую на диване. Застываю на месте и чуть не роняю пучки травы на пол. Это же та самая треклятая подушка, что Марисса мне всучила в дорогу!

Я спала на ней и.. тоже испытывала по утрам головную боль. Неужто...

Подбегаю к дивану и хватаю подушку. Сжимаю ее пальцами, мну со всех углов. Глубоко внутри ощущается какой-то комок, похожий на ошупь на мешочек. Змея ты, Марисса! Самая настоящая, ползучая!

Решительным шагом иду на кухню и беру со стола нож, потрошу безжалостно подушку. И нахожу тканевый мешочек с травами. Даже нюхать не хочу!

Но все-таки осторожно подношу к носу. Что это? Ландыш?

— Какой запах странный, — размышляю вслух. — Вроде знакомый и в тоже время нет.

Пегги отрывается от нарезания капусты и приближается ко мне, вытирая влажные руки о передник. Наклоняется и принюхивается. Отшатывается, как ошпаренная и трет нос пальчиком.

— Да это же багульник болотный! Где вы взяли эту мерзость, госпожа?

— Багульник, говоришь? А что в нем мерзкого?

Она пожимает бесхитростно плечами.

— Так он ядовитый, от корня до цветов. Его нельзя нюхать, умом тронуться можно и помереть.

Чувствую, как меня заполняет до краев обжигающая злость. Умалишенная, значит? Травили девчонку, а потом выставили чокнутой, дом отхапали и за порог выставили. Сволочи!

— Да что ты говоришь? — протягиваю я, усилием воли сдерживаясь. И смотрю на Пегги долгим взглядом. — Как интересно получается. А откуда это подушка и почему на ней мои инициалы?

Пегги выпучивает глазищи и заламывает виновато руки.

— Вы забрали ее из отцовского дома, когда переезжали к господину Доусону. Ваша подушка, госпожа. А откуда она там взялась - я и знать не знаю.

Глубоко вдыхаю и медленно выдыхаю. Выходит, травили Белинду уже давно. Разворачиваюсь на каблуках и иду к печи, сжимая в ладони мешочек. Собираюсь его сжечь, но в последний момент передумываю. Оставляю в качестве улики. Спрячу в ящике комода под лестницей, пригодится. А вот от подушки надо избавиться, это точно.

Осматриваю баночки со специями на полках. Пегги, умничка, успела их разложить.

— У нас найдется сушеный базилик?

— Да, госпожа.

— В таком случае, завари его и дай немного настояться. А потом заставь Тима выпить настой.

А сама выхожу на улицу и иду во двор, где селяне жгут валежник. Бросаю в костер подушку и наблюдаю, как огонь ее пожирает. Успокаивающее зрелище, гнев начинает отпускать.

Ну что, Белинда, все еще настроена слезы лить? А вот я нисколько.

Глава 23

Белинда

Две недели спустя

Выхожу на крыльцо и с удовольствием вдыхаю прогретый солнцем воздух, в котором витают ароматы почек, молодой травы и первых цветов. На ярко-голубом полотне неба ни единого облачка. Ветер игриво треплет мои волосы, затянутые в тугий хвост. Вплетает в них запахи весны. Воробьи щебечут и шуршат в кустиках. Красота!

— Сегодня будет чудесный денек! — ставлю ладонь козырьком ко лбу и осматриваюсь.

В деревне жизнь кипит. Издалека доносится мычание коровы, курочки снуют между деревьями, петухи роют лапками землю. За домом стучит молоток, перекликается со звуками топора. Тим рубит дрова, а Джек кроет крышу на сарайчике для садового инвентаря.

Сельчане помогают нам, не зная устали. А мне неловко от мысли, что и их дома нуждаются в ремонте. Хотя бы заборы заменить стоит. Я уже намекала Чарли о необходимости облагородить всю деревушку. Кому-то печи подлатать, другим крышу поменять. Я здесь всего две недели, а уже крылья расправила и давлю на него. Неправильно это. Господин Хоупс помогает местным с продуктами. Перегну палку, и он совсем отвернется от нас. Надо быть аккуратнее.

Улыбаясь, сбегая со ступеней и обхожу дом. Чарли обещался сегодня привезти металлическую бочку по моей просьбе. Деревянные его слуга доставил на следующий же день после нашего разговора. В них я заготавливаю удобрение - в одной бочке отходы от овощей и яичные скорлупки. Немного, но соседи с радостью несут мне все, что у них есть. В другую собираю древесную золу.

Еще две недели назад я, Сара и Пегги очистили яблоньки от наростов и побелили стволы садовой побелкой, обрезали сухие ветки. Тим и Джек убрали прошлогоднюю траву и валежник. Теперь по нему приятно прогуливаться теплыми вечерами.

Перешагивая через доски, лежащие на земле, тороплюсь к костру, где бурлит огромный котел. В нем готовлю отвар из пижмы и полыни для защиты яблонь от паразитов и грибковых инфекций. Благо, на чердаке и в сараях сушеных трав еще полно, селяне помогли собрать прошлогодние травы на полях.

— Доброе утро, госпожа! — машет мне рукой Тобиас, муж Сары.

— Доброе утро, — улыбаюсь я и хватаю ведра со скамейки.

Тобиас помогает мне перелить в них отвар черпаком. А пока тот остывает, заливает свежую воду, а я готовлю новую порцию отвара.

Мой помощник подбрасывает ветки в костер, я беру ведра с остывшим отваром и иду в сад.

Обожаю весну! Особенно тот период, когда из земли появляется молоденькая травка, а на деревьях набухают почки. Пейзаж преобразается на глазах! От прежней мрачной картины не остается и следа - серые краски сменились сочно-зелеными. Я боялась, что яблони не оживут, но на ветвях зарождаются первые почки, из которых скоро распустятся бархатистые листочки. Услада для моих глаз.

Захожу в сад и ставлю ведра у дорожки. Сегодня весь день уйдет на полив, но я нисколько не огорчаюсь. Мне в радость работать в саду и наблюдать, как труд дает плоды. Разве что музыки не хватает.

Музыка - единственное, по чему я скучаю из прошлой жизни. Привыкла стряпать на кухне и прибирать квартиру под радиоволну, пританцовывая. Но в Вороньей Тени у меня новый плейлист - пение птиц, шелест ветра и смех соседских ребятишек, играющих в прятки между хозяйственных построек.

Запрокидываю голову и прикрываю веки, наслаждаюсь теплыми и ласковыми лучами солнца. Вслушиваюсь в шепчущий между ветвей ветерок. И ловлю себя на мысли, что как будто бы чувствую каждое дерево в этом саду по отдельности. Подушечки пальцев приятно покалывает. Как необычно. Раньше ничего подобного не было. Деревья словно живые и переговариваются между собой, зовут меня.

Открываю глаза и осматриваю сад. Под веками вспыхивает белое сияние. Благодаря ему я вижу яблони в ином свете. Кора стволов поблескивает, под ней, как вены под кожей, тянутся

светящиеся нити от корней к верушкам. Внутренним взором я вижу, как деревья питаются от земли. И это потрясающе!

Забыв про ведра, я бреду по саду. Под подошвами простеньких туфельек хрустят мелкие веточки. Внутри меня что-то отзывается небывалым теплом на шепот яблонь, растекается по рукам, наполняет каждую клеточку тела. Каждая частичка меня сливается с этим местом воедино, и в тоже время я чувствую его отдельно от себя. От волнительных ощущений мысли в голове путаются. Что бы это могло значить?

Но не общение с деревьями удивляет меня больше всего.

К сухим зарослям смородины ноги сами меня ведут по тропе, поросшей травой. Уже издали вижу изменения, а ведь я их даже подкармливать не стала. Махнула рукой, как и на кусты малины в конце сада. Решила, что надежды на возрождение нет....

Падаю на колени, а по щекам струятся ручейки горячих слез. Как такое возможно?

Руки тянутся к ветвям, подушечками пальцев поглаживаю веточки, бережно провожу по набухшим почкам. Волшебство! Кустики ожили!

Не знаю, по каким причинам, но природа обновляется и обновляет деревушку. Может, и правда Белс обладает магией? Вот только какой? Растения ее слушаются и просыпаются от продолжительного сна, тянутся к солнцу. Ко мне. Я чувствую их, слышу шепот.

Ох, Белинда! А ты та еще загадка, оказывается. Дракон твой не распознал в тебе истинной магии, не увидел настоящую *тебя*. И к лучшему. Ты будто создана для этого места, оно ждало тебя. И, наконец, дождалось!

Смахиваю тыльной стороны слезы и смеюсь. Не просто смеюсь, а хохочу в голос. И плачу. Совсем чокнулась - проносится в голове. И от этой мысли смеюсь еще громче.

Потому не замечаю, как ко мне кто-то приближается. Только когда взгляд упирается в начищенные мужские сапоги, замирающие передо мной.

Мой смех обрывается, горло сдавливает. Медленно-медленно поднимаю взгляд, сердце сковывает льдом. По спине скользит липкий холодок.

Его никак не ожидала снова увидеть.

Глава 24

Стюарт

В камине успокаивающе потрескивают поленья, пляшущее пламя отбрасывает причудливые тени на бордовый ковер, застилающий пол кабинета. На столе передо мной разложены пергаменты со схемами проекта новых железнодорожных путей.

Цифры, цифры, цифры. Тру утомленно глаза пальцами и снова смотрю на них, пытаюсь сосредоточиться. Король пожелал проложить рельсы между удаленными поселениями и маленькими городами к центру королевства, чтобы повысить уровень жизни в них, увеличить торговые потоки.

Некоторые из линий будут пролегать в холмистой местности, потребуется строительство туннелей. Я должен убедиться, что все четко выверено, и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.